

Марк Рабинович

Недетские сказки

16+

Марк Рабинович

Недетские Сказки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66844338

SelfPub; 2021

Аннотация

Не уверен, что термин "Сказки" наиболее точно определяет те тексты, что следуют за заголовком. Но что прикажете делать, когда сюжеты аккуратно укладываются в межжанровые лакуны, а оба жанра отрекаются от них, как Исава от первородства? Поэтому, пусть будут "Сказки". Эти небольшие вещицы было написано в разное время и по самым разным поводам. "Принцессу", открывающую этот сборник, я написал много лет назад. "Кассандре" тоже несколько лет от роду и написана она в качестве прозаического варианта одноименной пьесы. А вот "Сказка про портного и мышиноного короля" первоначально появилась в качестве вложенной истории из повести "За полчаса до Конца Света". Все остальные сказки совершенно самостоятельны и, за исключением "Эпохи для кабанов", написаны специально для этого сборника.

Содержание

Принцесса	4
Крыса	29
Гений сцены или Жизнь по системе Станиславского	40
Правдивая история о том, как улыбнулся космонавт Сидоров	60
Эпоха для кабанов или Дары Артемиды	76
Кассандра	115
Часть первая. Нищий	116
Часть вторая. Служанка	150

Марк Рабинович

Недетские Сказки

Принцесса

В этот вечер, я опять возвращалась домой через парк. Вообще-то бабуля называет это место садом – как он наверное назывался во времена ее молодости. Но в наше время акценты сместились: двухэтажный особняк называют дворцом, хорошую одежду – прикидом, а большой сад – парком. А я дитя своего поколения, как говорит дядя Вадик, и для меня это именно парк. Про акценты, кстати, я тоже узнала от дяди Вадика, друга моей мамы. И вы знаете, мама очень волнуется, когда я иду домой через парк. Она считает, что все бандиты и гопники города только и мечтают о том, чтобы напасть на меня, и нетерпеливо ожидают меня на самой темной аллее парка. Если честно, то я и сама боюсь и бандитов и гопников, только в нашем парке их испокон веку не было. Наверное, мама не знает, да ей и простительно не знать, что рядом с парком находится военно-морское училище, которое одним из своих фасадов выходит прямо на главную дорожку. Курсанты давно, может еще со времен моей устаревшей бабули, облюбовали наш парк как место для интимных встреч.

Наверное, это очень удобно: и не надо далеко ездить и можно успешно использовать даже очень короткое увольнение. Говорят, что гопники несколько раз пытались обосноваться в нашем парке, но курсанты их быстро и довольно жестоко отучили. Думаю, что и с бандитами произошло что-то похожее, а может им наш парк по барабану, они предпочитают сидеть в своих бандитских ресторанах, как в том сериале... ну вы знаете. Так что если что и встречается в нашем парке в темное время так это только многочисленные парочки, которые шарахаются от меня в темноту. Может, какой-нибудь кадет и не отказался бы заехать по шее малолетке, поломавшей ему классный засос, но при своей спутнице он никогда на это не пойдет. Поэтому-то я не боюсь возвращаться через парк даже очень поздно вечером, но попробуй объясни это маме. Тогда придется рассказывать про курсантов, про жаркий шепот из кустов, про многое другое, что моей мамочке может показаться поопаснее гопников. Поэтому для нее существует подробное и изобилующее деталями объяснение, как я тащусь каждый раз вокруг ограды, стараясь избегать неосвещенных мест. Этот рассказ развивается мною и совершенствуется, каждая следующая версия становится подробнее предыдущей и порой приобретает ну просто фантастический характер. Как сказал бы Тошка, прямо как виндоус! Например однажды, понарошку конечно, а не на самом деле, я помогла женщине, потерявшей сознание прямо на улице ... Ты представляешь, мама, люди идут мимо и никто даже

не остановился, чтобы помочь... Были там и потерявшиеся малыши и старушки, которых я беспрекословно переводила через дорогу. И только свойственное мне благоразумие, а вовсе не несвойственное мне правдолюбие, останавливало меня от желания перейти к поимке иностранных шпионов и перестрелке с грабителями соседнего банка. Дядя Вадик, как-то раз, когда я описывала свой очередной подвиг, ехидно заметил, что маленькую ложь очень удобно прятать среди нагромождения такого же мелкого вранья. И посмотрел на меня так, что я даже немного испугалась, а он лишь подмигнул и не стал развивать опасную тему. Дядя Вадик, смотрит на меня совсем не так, как смотрели, в свое время, дядя Саша и дядя Олег. Те смотрели так, как будто они в чем-то виноваты передо мной, а еще они смущались, глядя на меня, уж сама не знаю почему. Эти взгляды смущали и меня, и я обрадовалась, когда они ушли, один за другим и больше мы с мамой их не видели. Дядя Вадик смотрит на меня совсем по другому, но он и на маму смотрит иначе, совсем не так, как смотрели на нее другие "дяди". Каждый раз, когда он смотрит на нее, мне кажется, он проверяет, что она еще здесь, никуда не делась. И с облегчением убеждается – да, здесь, да, никуда не делась. Так как же он все же смотрит на меня? Даже и не знаю толком как сказать, но иногда после этого мне хочется назвать его "папа". Только я никогда, никогда в жизни этого не сделаю, и уж точно – не в этом году.

Итак, я шла по главной аллее, стараясь, как всегда, не

слишком паяльщики на парочки, теснившиеся на скамейках. Именно теснившиеся, так как двое занимают на скамейке не так много места, если они действительно вместе. Ну, вы понимаете... В субботу вечером, в день массовых увольнений, скамеек на боковых, более темных аллеях не хватает, и многим приходится довольствоваться более освещенной главной аллеей, подставляясь под нахально-любопытные взгляды таких же, как я, случайных прохожих. Но сегодня аллея была почти пуста. В конце аллеи, однако, на одной из самых последних скамеек сидел кто-то. Лишь подойдя поближе я поняла, что это не пара, а одинокая девушка. Она меня совсем не заинтересовало, меня значительно больше привлекают прижимающиеся друг к другу парочки. Обычно, проходя мимо таких, я незаметно кошу левым глазом через челку. Этому меня научила Ленка, та самая, про которую рассказывали, что она с Никитой Деминым... Но все это слухи и дразги, как говорит дядя Вадик, и об этом я не буду. Зато на парочки я всегда посматриваю с интересом и уже много нового узнала для себя, однажды даже удивив Антона. Правда Тошка совсем растерялся, не ожидая от меня такой прыти, и у нас тогда ничего не получилось. Ну и пусть – какие наши годы (так тоже любит говорить дядя Вадик).

С девушкой на скамейке все было понятно еще издали. Из довольно складного силуэта (насколько можно судить о формах сидящего) выпирал солидный животик. Девушка была глубоко и основательно беременна, насколько я, в силу сво-

ей неопытности, способна была понять. Все ясно, подумала я, поматросил и бросил, как любит говорить все та-же многоопытная Ленка. Но в данном случае, слово "поматросил" приобретало более конкретный характер, судя по тому, куда именно привел сегодня незнакомку ее животик. Проходя мимо скамейки, я привычно скосила глаз – вовсе не из интереса, а потому что сработал условный рефлекс, как объясняли нам на биологии. И тут я невольно задержала шаг – что-то с ней было не так, что-то было необычно. Вы знаете, как это бывает: сначала зрение фиксирует нечто, где-то на уровне подсознания ты это анализируешь и, подсознание посылает сигнал, и лишь потом, иногда значительно позже, до тебя наконец доходит. Я успела сделать еще шаг или два, почти что поравнявшись со скамейкой, когда до меня дошло. Нет, в незнакомке не было, казалось бы, ничего необычного. Она не красила волосы в цвет летнего заката, и не держала в руках ни боевой бластер, ни чью-то отрезанную голову (это я утрирую – еще одно словечко дяди Вадика). Одетая она была более чем скромно: в неприметную юбку неопределенно-коричневого цвета и какую-то цветастую кофту. Видавшая виды джинсовая курточка была расстегнута, наверное чтобы дать свободу животу. Картину завершали разношенные кеды. Все это великолепие, похоже, было получено на благотворительной акции. Да, незнакомка не производила впечатления ни богатой наследницы, ни молодой жены пожилого, но преуспевающего бизнесмена. Картину несколько скрашива-

ла грива волнистых темно-каштановых волос и тонкие, я бы сказала аристократические, черты лица. Да, все это я успела рассмотреть, медленно проходя мимо скамейки – не зря меня хвалили (дядя Вадик) за наблюдательность. Но поразил меня не ее дикий прикид и не ее изящный облик. Нет, меня остановили ее руки. Казалось бы, руки как руки, с ссадинами, синяками, даже с цыпками. Другой мог бы подумать, что ее бьют дома, кажется это называется бытовым насилием. Но я-то сразу поняла, что это такое. Такие руки были у мамы после того, как ее уволили из института и она не нашла ничего лучше, чем пойти на завод подсобницей. Вот тогда она и наработала себе и ссадины и синяки и много другое. Хорошо, что моя взбаламошенная тетка нашла ей эту ее теперешнюю должность. И, хотя мама ее ненавидит всей душой (должность, а не тетку), она, по выражению той-же тетки, "снова стала женщиной". Так вот, руки беременной незнакомки ясно выдавали ее социальное положение, но при этом обладали необычайно тонкими пальцами, я бы даже сказала – пальчиками. Было совершенно очевидно, что она не родилась подсобницей. Вот это-то меня и остановило, остановило в буквальном смысле слова. Я просто-напросто застыла как дуря, не в силах оторвать взгляд от этих тонких пальцев. Не знаю, долго ли я пялилась на девушку, может пару секунд, а может час, но, в конце концов, она сама заговорила со мной. Сейчас я уже не смогу вспомнить, что именно она сказала и что я ответила и что было нами сказано потом. Наверное

ее история так меня поразила, что в памяти остались не отдельные слова или фразы, а лишь общий смысл ее рассказа. И смысл этот был удивителен и неправдоподобен – моя новая знакомая, бывшая незнакомка, была принцессой!

Если бы мне сказали слово "принцесса" несколько лет назад, когда я была совсем сопливой девчонкой и играла в куклы, я представила бы себе нечто вроде диснеевской куколочки в длинном голубом платье и непременно блондинку. Теперь я выросла, но мне все еще кажется, что принцессы, это существа не из нашего мира и к каждой принцессе прилагается принц на белом коне. Все это, конечно, ерунда на постном масле и девичьи грезы, по выражений все того-же дяди Вадика. По ящику много раз показывали разных европейских принцесс и меня не удивишь наследницей престола в джинсах или в деловом костюме. Но беременная принцесса в благотворительной курточке это уже слишком. Примерно так я ей и сказала, хотя мама всегда меня ругает за то что я не выбираю выражения. Принцесса не возмутилась, только улыбнулась, но это была такая улыбка что я ей даже немного поверила. Не могу сказать, что это была улыбка превосходства, нет, скорее это была улыбка бесконечно уверенного в себе существа, высокие достоинства которого не в силах принизить ни поношенные кеды ни нелепая кофта. Наверное именно так улыбнулась бы какая-нибудь из европейских принцесс, если бы дворецкий сообщил ей, что на ее любимом сиреневом платье окотилась ее любимая кош-

ка. Думаю, что если бы мама смогла так улыбнуться, то дядя Вадик на ней бы немедленно женился. Разумеется, я поинтересовалась, где ее королевство, и вот тут то и началось самое интересное. Ума не приложу как бы поточнее охарактеризовать ее рассказ. Наверное, если считать его фантастическим, то это будет "недоувеличением". Назову его, пожалуй, "супер-фантастическим", хотя дядя Вадик не любит, когда я злоупотребляю словом "супер". Итак, вот что рассказала мне Принцесса.

По утверждению Принцессы, она пришла из "другого места". Я так и не поняла, что это за место. Вы не поверите, но больше всего оно было похоже на книжку, на рассказ или роман или повесть, или что там еще бывает. И наша Принцесса жила в этом своем книжном мире, то есть она была написанной принцессой. Какой он, ее мир? Я этого так и не поняла, а Принцесса не смогла мне это толком объяснить, да похоже не очень и старалась. Наверное, ее жизнь была похоже на существование на листе бумаги – где все плоское, где есть длина и ширина, но нет высоты. Я неточно объясняю, наверное? На самом деле есть у них высота или что-то в этом роде, вот только почувствовать ее они не могут. Они, похоже вообще ничего не могут там почувствовать. Я до сих пор это не понимаю, вот не могу понять и все. Например, я спрашиваю Принцессу: "Вам там бывает весело?" "Да." "А почему?" "Просто весело – нипочему." "Тебе сегодня было весело?" "Было." "Почему?" "Увидела сегодня у

метро негра в каком-то смешном прикиде – наверное они в Африке так ходят. Он идет, такой важный, а все стараются на него не смотреть, чтобы не расхохотаться. Цирк да и только." И Принцесса хихикает. "А там?" "А там просто весело." "Но ведь должен быть причина?" "Не знаю. Там бывает весело, потому что должно быть весело." И про что не спросишь – ответ один: "Просто так бывает и все." Так же обстояли дела с грустью, теплом, холодом и всем остальным. А вот про любовь я все же спросила и еще про то как дети рождаются, Нет, не думайте, я прекрасно все знаю, правда пока больше теоретически, но ведь в принцессинном мире все могло быть иначе. И вы знаете, я не ошиблась. Правда, я сначала спросила Принцессу была ли у нее мама. Мама у нее была, наверное Королева, был и папа, наверное Король, хотя я и не стала уточнять. Тоже мне монархия недоделанная! Вместо этого я ее спросила, любила ли она свою маму. "Я ее сейчас люблю", сказала Принцесса и посмотрела на меня с таким удивленным видом, как будто бы только сейчас это поняла. Похоже, что про любовь к матери, автор ее книжки забыл прописать. Наверное Принцесса жила в неудачной книжке, я, по крайней мере, не стала бы такую читать. И вообще, мне не очень понравилось это ее "другое место". А потом мы еще немного поговорили про другую любовь, ну вы понимаете, про секс и прочее. С сексом как раз все было просто. Возможно, Принцесса жила в детской книжке, а может и какая другая причина, только секса у них не было. Это я еще могу как-то понять,

а моя бабуля даже не отказалась бы навеки поселить меня в такой “безсексовой” стране. Сложнее обстояло дело с любовью. Любовь-то у них была, вот только Принцесса так и не смогла объяснить мне, а может и самой себе, с чем у них эту любовь едят. Я вам скажу про нас с Тошкой. Может это даже и не любовь, а так – “гормональные всплески” по меткому, но не совсем понятному выражению дяди Вадика. Пусть даже и всплески, вот только иногда вспомнишь, как мы... но пожалуй лучше без подробностей. Только скажу, что бывает и нестерпимо жарко и холодно и замирает все внутри и по-всякому, сразу даже и слов не подберешь. И это мы всего-лишь целуемся, ну и еще немного... разного. Но я ведь знаю очень хорошо, правда, главным образом от Ленки, что можно делать и другие очень интересные вещи, на которые мы с Тошкой пока не решаемся. А у Принцессы это называлось одним словом – “любовь”. И все! Ни тебе жарко, ни тебе холодно и не похоже, что у них что-нибудь, где-нибудь замирает. Мне опять подумалось, что это именно то, что желает мне моя бабуля: чистенько, аккуратненько, приличненько, и “не дай бог что-то там”. Но все таки “любовь”, хотя бы по названию. Похоже, что именно название, это то единственное, что оставалось от любви в “другом месте”. Дети там тоже рождались как-то странно. Не то чтобы их аист приносил, да и рыться в капустных грядках не было необходимости. Зато не было ни беременных, ни гинекологов (б-р-р, не надо об этом), ни родильных домов. В “другом месте” дети

"просто рождались", то есть появлялись на свет как-то непонятно, сами по себе что-ли?. Ужас да и только. Нет, пусть лучше будет гинеколог, но только не это "просто". Хотя, лет так несколько назад мне это могло бы даже понравиться, но теперь я немного поумнела, даже дядя Вадик это признает.

Похоже, что и принцессе это "просто" и многие другие "просто" были не по душе и она очень обрадовалась, попав из своего "книжного" мира в наш. Ей, разумеется, все казалось странным и с ней, поначалу, происходили сплошные неприятности. Она падала в лужи, о которых в "другом месте" даже и не слышали. Ее толкали, обливали чем попало, ее задела машина, разодрав руку. И много еще чего с ней случалось поначалу, вот только ее это ее совсем не огорчало. Я как-то поначалу не поняла, как это можно не огорчаться упав в лужу? А если у тебя болит рана на руке, то как тут не поплакать? И тут Принцесса показала мне здоровенную ссадину на руке и восторженно воскликнула: "Я ее чувствую!" Я вначале не поняла, а потом до меня постепенно дошло. Я и сейчас не до конца понимаю, как это "не чувствовать", но "подкоркой" (опять дядя Вадик) понимаю что это плохо, очень плохо. Это как умереть, наверное. Вероятно после этого Принцесса и радовалась каждой царапине. Ей больно, а она плачет и радуется, радуется и плачет.

Сказочным принцессам в нашем мире приходится нелегко. Образования у Принцессы толком не было, по крайней мере в нашем понимании – я уже не стала уточнять. Спе-

циальности, естественно, никакой, ведь "принцесса" это не профессия. Вот она и пошла на завод подсобницей, благо там давали место в общежитии. Наверное, койка в общаге была для нее шоком после королевских покоев и кровати с балдахинном, или что там у них полагается. Так я ее и спросила. Оказывается, это действительно был шок, вот только не так как я думала. "Она скрипит!" гордо объявила Принцесса, "И она мягкая!" Уж не знаю, насколько ее казенная койка мягкая, подумала я, но тут же сообразила, что ее прежняя королевская перина была "никакая", если, конечно, я правильно осознала все ужасы книжной жизни. Тут, пожалуй, и скрип пружин покажется счастьем. Принцесса все рассказывала, и про дождь, под которым она промокла в первый раз (представь себе – он мокрый и брызгается!) и про бродячую собаку, которая дала себя погладить (и, знаешь, оне не укусила меня) и про сковородку на общей кухне (я сразу обожглась! – а в глазах – восторг). Принцесса, в своем щенячьем восторге, была необычайно мила и непосредственна и, вообще, похожа на ребенка, который открывает мир, да она и была таким ребенком. Но я все смотрела и смотрела на ее живот, и она, конечно, это заметила. Тогда она рассказала мне свою историю, обычный рассказ из той-же самой серии "поматросил и бросил". Таких историй я подслушала в нашем подъезде немало и все они были похожи одна на другую как два гамбургера из Макдональдса. Наверное, будущему отцу не составило труда соблазнить наивную принцессу. То-ли он ей

просто воспользовался, то-ли испугался ее монархического происхождения, только он оставил ее с животом и исчез в неизвестном направлении. Наверное это был курсант, а может и нет. Но мою Принцессу печальный итог, этой далеко не сказочной истории, почему-то совсем не огорчал. Она все поглаживала и поглаживала животик и было очевидно, что она совершенно счастлива. Вот это уже действительно смахивало на сказку. Надо было бы ее расспросить о том, о чем наша Ленка рассказывает с совершенно неправдоподобными деталями. Ну вы уже наверное догадались, ведь Ленка ни о чем другом не говорит. Только я ничего не спросила, и не потому, что постеснялась. Нет, не думаю. Но мне показалось, что сам процесс Принцессу не слишком заинтересовал, по крайней мере – значительно меньше, чем результат процесса – этот ее округлившийся животик.

Наконец, я спросила Принцессу, каким образом она попала из книги в наш мир. "Даже и сама не знаю" – ответила она, явно не собираясь вдаваться в подробности. Тут она немного нахмурилась – похоже при переходе из книжки в жизнь произошло что-то неприятное, а потом слегка улыбнулась – наверное потом случилось что-то веселое, но так ничего и не рассказала. Может не хотела, а может быть и действительно сама не понимала. Тошка тут же пристал бы к ней в поисках "кротовых нор", "магических порталов" или что там еще есть в его любимых книжках. Я же не давила на нее, наверное для меня это было не принципиально. Так и осталось невыяснен-

ным, как Принцесса раздобыла одежду, документы, откуда она знает русский язык и где узнала, что такое метро. Я вдруг поняла, что все это мне совсем неинтересно, и я спрашиваю только из вежливости. И все же мне очень хотелось еще с ней поговорить, но не спрашивать же про паспорт и метро. Надо было обязательно спросить что-нибудь очень важное, но я не знала что именно и судорожно искала правильный вопрос, а на ум приходили лишь всякие глупости. Говорят, что в затруднении человек смотрит на потолок, но над нами не было потолка, а было необычно чистое для нашего дождливого города ночное небо, на котором уже можно было разглядеть несколько звездочек. И я спросила Принцессу, красивы ли звезды в ее мире. Ее серые глаза затуманились, она явно затруднялась с ответом. "Не знаю," сказала она, "Это просто звезды, они просто есть". "А у нас?" спросила я. Тут ее глаза глубоко раскрылись и я увидела вдруг, что они не только серые, но и изумрудно-зеленые. Она посмотрела вверх и сказала: "Это совсем другое. Они – прекрасны." Я еще спрашивал что-то и она отвечала, но все это было уже неважно, потому что ее глаза так и оставались широко раскрытыми и изумрудными. Вдруг Принцесса вздрогнула, посмотрела на живот и, поморщившись, смущенно улыбнулась: "Дерется!" Увидев мое недоумение, она добавила: "Ножками бьется изнутри." Потом она опять погладила рукой живот и улыбнулась мне какой-то удивительно знакомой улыбкой. Нет, это не была снисходительная или даже высокомерная улыбка ев-

ропейской принцессы, но, тем не менее, что-то подобное я уже где-то видела раньше. Принцесса улыбнулась так, как будто знала что-то неизвестное мне и, наверное, что-то очень хорошее и это хорошее было таким и хорошим и надежным и сильным, что на его фоне все на свете неприятности выглядели мелочами. И вдруг я вспомнила, где я видела эту улыбку; ну конечно же – на уроке эстетического воспитания. Эти уроки у нас все очень любят, жаль только что они бывают так редко. У каждого в нашем классе есть свои причины для этой, не совсем бескорыстной, любви. Дело в том, что на "эстетике" можно не слушать нашего молодого и немного наивного учителя. Поэтому одни срочно доделывают уроки, заданные на сегодня, другие слушают музыку, а третьи – просто спят. Но именно в этот день меня вдруг привлекла картина, появившаяся на проекторе. Не помню, кто был ее автор, не помню и названия. Вроде бы она висела, а может и сейчас висит, в одном из известных европейских музеев, не помню в каком, но точно – не в нашем Эрмитаже. На картине была изображена довольно некрасивая, по моим понятиям, женщина, немного мужиковатого вида. Судя по старинной одежде, жила он в Средние Века, а может быть и в эпоху Возрождения, я не разбираюсь. Так или иначе, но лет ей (картине, а не женщине) было порядочно и, возможно, тогда именно такие женщины были в моде. Вообще-то, меня старинные картины не заводят, но эта меня поразила. Точнее, не сама картина, а улыбка той женщины. Она улыбалась так,

как будто видела что-то необычное и умиротворяющее там, за срезом рамки или просто знала что-то известное только ей делающее ее уверенной в себе и независимой, что-ли, а может быть – свободной. И так-же точно улыбалась моя сказочная Принцесса в разношенных кедах. Тогда я подумала, что может быть эта новая жизнь у нее в животе отделяет ее от нас, от нашей совсем непростой жизни. Или ставит ее над нами и позволяет видеть то, что не видим мы. А еще я подумала, что та женщина на картине тоже была беременна, вот только картина не позволяла это увидеть. Мне страшно захотелось вдруг, чтобы у Принцессы все было хорошо и чтобы прошли ее ссадины и цыпки и чтобы она, радовалась ощущая не боль от царапин, а тепло солнца, прохладу ветра, вкус гамбургера, мягкость кошачьей шерсти, упругость танцплощадки, прикосновение пенки в ванной, сладость мороженого и многое другое. А еще мне захотелось, чтобы ее ребенок родился легко и был здоровым и делал "агу-агу" и пускал слюни, или что они там делают. И хорошо бы, чтобы у них появился свой Принц. Пусть у него тоже будут ссадины на руках, и не будет ни белого коня, ни черного "бумера". Зато ребеночек будет называть его "папа". Мне тут же захотелось сказать все это Принцессе, но я вспомнила как одна мамина подруга, которую я терпеть не могу, любит громогласно желать людям всех возможных благ, и как смотрит на нее при этом дядя Вадик. Однажды он мне сказал: "Если желаешь человеку добра, но ничем не можешь помочь, то лучше

промолчи. Твои намерения поймут и без слов, если захотят понять, конечно. А если не захотят, то тем более лучше промолчать." И я ничего так и не сказала, а Принцесса вдруг почти незаметно кивнула мне – наверное поняла без слов. Тут мне сразу стало как-то теплее, хотя вечер был прохладный, а кутаться я не люблю.

Я часто думаю, было ли все так на самом деле, и моя незнакомка – действительно принцесса из книжки, из фильма или еще из какого-нибудь места до которого не ходят трамваи и не летают самолеты? Не знаю и мне все равно. Наверное поэтому нам не было так уж грустно расставаться. Ведь ей очень хотелось рассказать свою историю человеку, который ей поверит. И этим человеком оказалась пятнадцатилетняя девчонка – ну подумайте сами, кто еще ей мог бы поверить? А мне так хотелось верить, что я и на самом деле поверила. Было уже совсем поздно, и мне не хотелось нарываться на скандал дома. Я распрощалась с Принцессой, подозревая, что мы больше никогда не встретимся и пошла дальше по главной аллее, а она осталась сидеть на скамейке, поглаживая свой живот и слушая, как ребеночек стучится изнутри. Я даже подумала, что ее сын или дочка еще живет в такой-же ненастоящей стране, в которой жила Принцесса и где все происходит само и где нет чувств. Но пройдет месяц, или два, или три, и он родится в этот мир, так же, как "родилась" Принцесса и тоже будет радоваться и солнцу и ветру и даже плакать, когда ему будет больно, а не когда это

будет от него требоваться по замыслу какого-нибудь недоделанного автора. Я все шла по аллее и все оглядывалась назад, на скамейку, а в моих глазах стояли слезы, но от ветра, конечно, ведь я не плакса. И тут, в какой-то момент, когда я обернулась в очередной раз, мне показалась, что на Принцессе надето длинное сиреневое платье с кружевами, на ногах изящные туфельки, а на голове у нее золотая диадема, украшенная драгоценными камнями. Но мне это, конечно же, показалось.

Я всегда возвращаюсь домой через парк, но ни разу больше не встретила Принцессу. Наверное, она уже родила и ходит со своим ребенком на детские площадки, а не в парк. Раньше я постоянно думала о ней, а теперь я уже не так часто ее вспоминаю. Но когда со мной случается какая-нибудь неприятность: я падаю в лужу или мы с Тошкой ссоримся или еще что-нибудь в этом роде – я вспоминаю, как Принцесса радовалась ссадинам на руках, и мне сразу становится легче.

И еще, очень хотелось бы знать, каково это – когда ребенок бьется ножками изнутри живота.

Сказка про портного и мышиноного короля

В одной очень далекой стране жили могучий король и бедный портной. Они были друзьями потому что выросли вместе и вместе играли, когда было детьми. Король любил прийти в гости к портному и посидеть за его бедным столом. Он

приносил с собой бутылку вина и вкусные булочки, потому что у портного совсем не было денег ни на вино ни на булочки. Другьям было хорошо вдвоем, они говорили о девушках, о звездах, о дальних странах, засиживались порой до поздней ночи и никогда не говорили ни о шитье одежды, ни о делах королевства. Шли дни, складываясь в месяцы и годы и вот портной начал замечать, что вокруг становится все больше и больше солдат, а ему все чаще и чаще заказывают шить военную форму серого мышиноного цвета. Да, в армии короля мундиры были серого цвета и из-за этого его даже прозвали "мышиный король". Когда солдат становится много, а портные шьют в основном мундиры, то это очень плохой признак. И, разумеется, вскоре началась война. Воевать надо было с соседним королевством, в котором все было совершенно неправильно. Там ели неправильные булочки, пили неправильное вино, совсем неправильно любили друг-друга, а потом неправильно воспитывали неправильных детей. Даже форма у их солдат была неправильная, не мышиная, как следовало, а зеленая, что уже совсем ни в какие ворота не лезло. Их, разумеется надо было научить печь правильные булочки, пить правильное вино, рожать правильных детей и носить аккуратную форму мышиноного цвета. Портной все это прекрасно понимал и поэтому, когда король торжественно вручил ему винтовку, портной не возражал. Он готов был убивать нескольких неправильных зеленых людей, а остальных исправить, пошив им серые мундиры.

Но зеленые люди вовсе не стремились становиться серыми. У них была не только неправильная зеленая форма, но винтовки и даже пушки, из которых они стреляли. И хотя они стреляли совсем неправильно, но иногда попадали. Тогда на земле оставались лежать серые люди. А когда стреляли серые люди, то на земле оставались лежать зеленые. Иногда серые и зеленые лежали вперемешку и поле напоминало портному строгое платье из ткани с серо-зеленым узором. Когда-то, очень давно, он хотел сшить такой камзол для короля, но ему пришлось взять винтовку и праздничному платью короля пришлось подождать. А теперь ему уже больше не хотелось шить серо-зеленый камзол.

Однако зеленых людей на поле оставалось больше, поэтому серые люди захватили города и села зеленых. И это тоже было правильно, думал портной, потому что теперь в этих городах наконец начнется правильная жизнь: появятся правильные булочки и отличное вино, а дети будут играть на улице ничего не боясь. И, самое главное, теперь портной сможет вернуть королю свою винтовку и снова начать шить платья и камзолы. Ведь ему так надоело шить мышиную форму. Но оказалось, что за страной зеленых людей есть другая страна, в которой тоже неправильно живут. А за той страной была еще одна, и еще. И все они были неправильными. О, нет, портной вовсе не сомневался в том что ему говорили. Вовсе нет! Разве что иногда ему приходила в голову крамольная мысль о том, что как-то странно, что в мире так

много неправильных стран. Однажды, это было то-ли в шестой, то-ли в седьмой неправильной стране, он зашел в заброшенный дом. Дом был заброшен, потому что его неправильных хозяев переселили в в другое место. Там их хорошо кормили и учили правильно жить. По крайней мере именно так объяснили портному.

И в этом доме нашего портного поймали мятежники, те самые которые не согласны были жить правильно, а хотели жить по своему. Когда главарь мятежников приказал казнить портного, тот взмолился:

– Пощадите меня, я же не настоящий солдат, я просто портной!

Он не сказал, что уже много лет не шьет, а стреляет из своей винтовки. Он не соврал, нет! Он просто забыл об этом.

– Ты нагло врешь – сказал командир мятежников – Никакой ты не портной. Если бы ты был портным, мы бы тебя отпустили, ведь мы воюем только с солдатами, а не с портными.

Но портной так молил его пощадить, что мятежник смилостивился и сказал:

– Вот мой плащ, у него оторвалась подкладка. Если сможешь ее аккуратно подшить, мы поверим, что ты портной и не будем тебя убивать. Возьми иголку с ниткой и сохрани себе жизнь.

Портной взял иглу, взял нитки, и попытался продеть нитку в иголку. Но его пальцы не слушались и у него ничего не

получилось, как он ни старался. Тогда он заплакал:

– Я слишком долго воюю и мои руки отвыкли от иглы и загубели от того, что я слишком долго держал винтовку. Убейте меня побыстрее, я не хочу так жить.

– Ты наглый обманщик – закричал командир мятежников – Я и сам был портным прежде чем ваши солдаты осквернили нашу страну. Ремесло портного невозможно забыть. Смотри!

Он взял иголку и попытался продеть нитку в иголку, но и у него тоже ничего не получилось, как он ни старался. Тогда и командир мятежников заплакал и сказал:

– Нас всех изуродовала эта война. Я ненавижу вашу страну, вашего короля и тебя, но я не хочу тебя убивать, раз когда-то ты тоже был портным. Ты свободен. Иди куда хочешь.

Наш портной уже никуда не хотел идти и поэтому он пошел куда глаза глядят. А его глаза глядели домой. Но идти домой ему тоже не хотелось, потому что его там уже никто не ждал. Тогда он пошел в королевский дворец. "Мышиный король" принял его очень любезно, ведь портной был его самым лучшим другом, другом детства. Правда, король не мог предложить ему ни булочек, ни вина, потому что в его королевстве уже не осталось ни того ни другого.

– Скажи мне – взмолился портной – Почему я не могу больше шить?

– Потому что сейчас отечеству нужны солдаты, а не портные – объяснил ему король.

– А потом? – спросил портной – Что будет потом, когда мы победим? Ведь у нас уже не останется ни портных, ни пекарей, ни виноделов.

Король задумался...

– Что ты предлагаешь? – спросил он.

– Я думаю, что надо закончить эту войну, пока еще не поздно.

– Уже поздно – сказал король – Разве ты не знаешь, что короли могут лишь объявлять войну? А вот закончить ее они не в праве. Я бессилён что либо сделать.

– Совсем совсем ничего?

– Совсем, совсем... Разве что?

И он очень внимательно посмотрел на портного.

– Что? – спросил портной.

– Есть один способ – сказал король – Но тебе будет очень неприятно. Ты готов на это?

– Я готов на все – вскричал портной – Лишь бы закончить войну.

– Тогда тебе придется убить меня! Лишь смерть короля может положить конец войне.

Портной очень испугался. Он совсем не хотел убивать своего друга. Но король так просил его! Тогда портной начал думать. Он думал долго. Это было очень трудно. Раньше, когда у них с королем было вино и булочки, ему думалось много легче. И все же он продолжал думать и вот что он надумал.

– Если я убью тебя – сказал портной – То тебе поставят памятник на самой главной площади королевства. Потом о тебе будут слагать песни и рассказывать легенды. И это вдохновит людей на новую войну. Нет, я не буду тебя убивать. Лучша я убью войну.

– Но как? – закричал король – У нее же нету сердца в которое можно воткнуть кинжал и у нее нету головы, которую можно отрубить.

– Все верно – ответил портной – Но ее можно уморить голодом.

– Невероятно! – воскликнул король – Как же это сделать?

– Очень просто, надо перестать кормить это чудовище. Мы же все время подкармливаем ее. Мы кормим ее патриотическими лозунгами. Мы питаем ее памятниками тем, кто любит войны. Мы даем ей дух и плоть оловянными солдатиками и деревянными саблями. Наконец, мы подкармливаем ее нашей ненавистью. Если каждый из нас будет просто заниматься своим делом, вместо того чтобы воевать, то война умрет.

Король смотрел на него и молчал, потому что ему нечего было сказать. Зато теперь ему хотелось думать и он даже пожалел, что в его королевстве уже не было булочек и вина с которыми думалось так хорошо. А портной все-таки пошел домой. Там он сел за свой портновский стол и хотел еще немного подумать, но ему что-то помешало. Он увидел на столе свои инструменты: ножницы, мел, иголку и нитки. Он

взял иголку и попытался просунуть нитку в ушко. Конечно, у него ничего не вышло, ведь он забыл свое портняцкое ремесло. К тому же у него дрожали руки. Но он все пытался и пытался раз за разом. И к утру у него получилось.

А король сам убил себя. Он выбросился из окна дворца на очень твердые камни мостовой и разбился. Ему не поставили памятник на главной площади, потому что не ставят памятники тем королям, которые не погибли в сражении, а разбили сами себя в последнем бою. И "мышинного короля" скоро забыли. Помнил его только портной, который уже сновал платя и камзолы, потому что война наконец кончилась. Он один понимал, что свою последнюю битву король все же выиграл.

Крыса

Странное название – Малая Вишера. Один из друзей солдата, немного знавший местный язык, объяснил, что означает первое слово. Но понимания это не прибавило. Впрочем, понимания от него не и требовалось. Он него требовали выполнения приказов и подчинения командирам. Солдата это устраивало. Он был хорошим солдатом, хотя никогда не прислушивался к оглушительным речам по радио и не всматривался в лица тех, кто размахивал руками на киноэкране, призывая воевать. Хотя он и был хорошим солдатом, но войну не любил и воспринимал ее как неизбежное зло, как стихийное бедствие, то ли посланное людям за грехи незримым божеством, то ли обрушенное на них безразличной к людям и к их грехам природой. С войной следовало смириться, как смиряются с наводнением, уносящим так любовно построенный дом. Война не уносила дома, она уносила мужчин. Некоторые из них возвращались, а некоторые – нет. Не вернулся и отец солдата. Он не вернулся с прежней войны и поэтому мать запретила солдату, который еще не был солдатом, а был только мальчиком-подростком, изучать французский язык. А ведь ему так хотелось, потому что именно на этом мелодичном языке разговаривали красивые девушки с цветных открыток. Впрочем, он не слишком расстроился, зная что у него нет способности к языкам.

Итак, он был обычным солдатом, этакой маленькой серой мышкой в бесконечной армии мышиноного короля. Да, именно серый цвет был отличительным цветом той армии, в которой он служил, а потом и воевал. Воевать ему пришлось в той стране, в самом сердце которой была непонятная Малая Вишера. Ему приказали стрелять из винтовки в тех людей, что хотели подойти к их траншеям и воткнуть четырехгранные штыки в него и его друзей. Этого ни в коем случае нельзя было допустить и он послушно стрелял. Фигурки в темно-зеленых шинелях шли медленно, неумело, все время проваливаясь в глубокий снег. На белом, свежем снегу их было хорошо видно и целиться в них было легко и удобно. Когда его винтовка кашляла и очередная темная фигурка падала и растворялась в белизне снега, солдат радовался. Ему казалось, что он очищает этот прекрасный белый горизонт от грязных пятнышек и ему было легко и спокойно. Вот только зачем эти люди так медленно и так неумело шли навстречу смерти? Разве не лучше было бы им остаться там, за лесом, а еще лучше где-нибудь за большой рекой или за морем? Солдат не понимал этих странных людей и поэтому ему все же было немного тревожно.

Страна тоже была непонятная. Все в ней было как-то неправильно, но что именно? Пожалуй, солдат бы затруднился ответить на этот вопрос. Правда на крышах местных домов не было красивой красной черепицы как у него дома, а были они покрыты листовым железом, толем или даже со-

ломой. Это было необычно, но было ли это неправильным? Вряд ли. И поля здесь были какие-то слишком уж большие. Ну не должно быть поле такой длины, что не видно другого его конца. Солдат и сам был из крестьян, но таких больших полей никогда не видел. Впрочем, и это вряд ли было неправильным. Так что же было неправильным в этой стране? Ведь должна же быть какая-то причина по которой чужие танки перепахивают то, что совсем не предназначено для пахоты. Раньше он не думал, что можно перепахать дом, сарай или кладбищенские кресты. А оказалось – можно. Значит, причина была и именно ее, эту причину разъясняли судорожно размахивающие руками люди с киноэкранов. У них был резкий, проникающий в подсознание голос, слушать их было неприятно и солдат научился не допускать в свое сознание эти визгливые голоса.

Однажды, их часть проходила через одну деревню. Это была очень везучая деревня. Война ее пощадила: ее не сожгли снарядами, не выкосили пулеметами и не перепахали танками. Посредине деревни была площадь, а на площади стоял колодец. Это был общественный колодец из которого мог напиться каждый. К необычного вида вороту было привязано жестяное ведро и сейчас из него пили солдаты.

Неподалеку солдат заметил странного старика. Было старику очень много лет и немногочисленные пряди его волос были то ли седыми то ли белыми от рождения. Неопределенного цвета глаза казалось прятались среди морщин и мор-

щины делали его лицо похожим на веселую карнавальную маску. Старик опирался на аккуратный костыль, правой ноги у него не было и пустая штанина была аккуратно завязана черной тесьмой. Странный старик внимательно смотрел на солдат: и проходящих мимо и пьющих воду. О чем он думал? Абсолютно ничего нельзя было прочесть в щелочках его глаз.

– Знаешь ли ты, кто это? – спросил солдата его друг – Мне рассказали, что в этой стране была гражданская война и этот старик очень храбро сражался против теперешней власти. Но он и его товарищи были разбиты и поэтому сейчас он влачит жалкое существование калеки.

Только теперь солдат заметил на пиджаке старика тусклый крест на черно-желтой орденской ленте.

Подошел лейтенант, молодой парень. За месяцы боев лейтенант изрядно подрастерял молодой задор, но что-то все же осталось. Поэтому он уважительно откозырял старику и весело крикнул:

– Смотри, старый ветеран. Тебя приветствуют храбрые солдаты великой армии.

– Крысы – спокойно сказал старик – Крысы из Гамельна. Вот вы кто.

Он сказал это тихо и спокойно, так, как будто отмечал очевидный и неясный лишь полным придуркам факт. И сказал он это на языке солдата. Он говорил на этом языке правильно, неестественно правильно, правда с сильным местным ак-

центом.

Лейтенанта передернуло и он крикнул уже не таким веселым и задорным голосом:

– Ты невежлив, старик. Ты плохо принимаешь гостей.

– Незваных гостей не принимают – сказал старик – Их терпят. До поры до времени.

– Да что тебе эта страна? – вскричал лейтенант – Ты же бился против нее!

– Неправда! – возразил старик – Я бился за нее. И бился бы снова против всех крыс на веревочке, будь только у меня обе ноги.

Лейтенант хотел было ему ответить, но, очевидно, не нашел нужных слов.

– Но я не собирался обидеть тебя, юноша – продолжил старик – Просто вы одеты в серое. Вот и пришла мне на ум старая история про цепочку серых крыс, бездумно ушедших из дома. Их позвала магия музыки и увела туда, откуда нет возврата. А что позвало тебя? Была ли это магия красивых слов? Или барабанная дробь? А может быть это была магия волшебных черных знаков на белой бумаге? Почему ты ушел из дому и что заставило тебя поступить так бездумно? Где она, та невидимая, но крепкая нить, которая тащит тебя на смерть? Не пора ли остановиться? Не пора ли оборвать эту нить?

– Ты безумен, старик, и слова твои безумны! – закричал лейтенант – Тебе повезло что ты не еврей, не цыган и не пар-

тизан. А еще тебе повезло, что ты стар и немощен. Иначе ты бы кровью поплатился бы за эти слова.

Тощий ефрейтор, который уже неоднократно пытался выслужиться перед лейтенантом, подскочил к старику и выбил ногой его костыль. Тот неловко повалился на землю и это было, наверное, очень смешно. Поэтому ефрейтор обвел глазами солдат, ожидая услышать взрыв смеха. Но никто не засмеялся. Они проходили мимо ефрейтора и каждый старался как-бы нечаянно задеть его либо прикладом своей винтовки, либо коробкой противогаза. Лейтенант отвернулся и направился вперед быстрым шагом. Он не смотрел по сторонам, лишь себе под ноги он смотрел, наверное ему было стыдно. Наш солдат шел последним, самым последним из всего взвода. Он задержался, подошел к старику, помог ему подняться и подал костыль.

– Спасибо! – сказал старик.

Солдат отряхнул пыль с его пиджака и левой штанины, а до правой штанины дотронуться не решился. При этом как-то так получилось, что он заглянул старику в глаза и увидел там глубокую, бездонную грусть. Что было причиной этой грусти, что? Может быть поражение в гражданской войне и необходимость доживать свой век в стране, которую старик не хотел? В стране солдата тоже случилась гражданская война, короткая и жестокая как все гражданские войны. При нее так старались забыть, что почти совсем забыли. Наверное и в его стране были такие же люди с грустными глазами, несущ-

щие на себе бремя поражения. А вот морщинки старика продолжали смеяться. Таким он его и запомнил, с грустными глазами посреди смеющихся морщин. Потом он повернулся и побежал догонять взвод, но прежде, чем он покинул и площадь и деревню, до него донеслись последние слова старика.

– Оборви ты ее, парень! Оборви эту нить! Может еще не поздно? Не будь крысой на веревочке!

Это были, как понял солдат, очень важные слова, но он не знал, что с ними делать, поэтому он просто пошел дальше. Да, солдат пошел дальше, но он не знал куда идет. На перекрестках дорог попадались дорожные указатели, но солдат не мог их прочесть, ведь они были на чужом языке. А серые солдаты мышиноного короля все шли и шли по пыльным дорогам, ехали на грузовиках по разбитому танками асфальту, пробирались через темные и страшные леса. Это длилось долго, наверное – слишком долго, потому что в какой-то момент оказалось, что на ногах у солдата не крепкие сапоги на двойной кожаной подошве, а серые крысиные лапы с когтями. Да, да, настоящие крысиные лапы. А еще он увидел, что перед ним не серая шинель его товарища, а волосатый крысиный хвост. Наверное, такой же крысиный хвост волочится и за ним. Где же нить? – подумал солдат. Где та нить, которой мы все связаны в длинную, серую, не рассуждающую цепочку? Ах, да! – вспомнил он – Она же невидима. И они все шли и шли вперед – цепочка серых крыс. А может быть это были серые шинели и серые от войны лица? Но их несомненно вел

за собой какой-то крысовод, дергая за невидимые ниточки. Им говорили что ведут к славе, но вели на смерть. Солдат точно это знал, потому что многие из серых крыс навсегда остались в городах и деревнях, названия которых невозможно прочесть.

Потом были еще деревни и даже города. А крысы все шли и шли, а некоторые из них ехали на танках или летели в самолетах. Они съели тонны хлеба и мяса, центнеры мармелада и выпили целое море желудевого кофе. Правда крысы обычно не пьют кофе, но ведь и на танках они обычно не ездят. Солдат все время удивлялся как прочна была влекущая их нить. Он вспоминал слова старика и думал о том, как бы сорваться с этой цепи. Но для этого нужно было найти правильное волшебное слово, способное разорвать магическую силу влекущей их всех за собой мелодии. Такого слова у него пока не было.

Иногда он вспоминал дом. В его родной деревне была мелкая и добрая речка, несущая свои медленные воды с невысоких гор. Там, дома, было веселое рыжее солнце над черепичной крышей. И там была разлапистая липа на заднем дворе, на которую так весело и немного страшно было забираться в детстве. Сейчас он очень хотел вернуться домой, пройти по деревне, степенно здороваясь с соседями, обнять мать, шуточно подбросить вверх маленькую сестренку. Но он не мог вернуться домой с крысиными лапами и крысиным хвостом. Конечно, мама не отвернется от него и примет его таким, ка-

кой он есть. И все же он не хотел возвращаться домой крысой, к тому же его не пускала невидимая нить. А еще он знал, что здороваться ему придется только со старухами, потому что мужчины были на войне, а женщины помогали в госпиталях. И подбросить вверх сестренку ему тоже не удастся, потому что она уже выросла пока он воевал и наверное тоже помогает ухаживать за ранеными.

А война продолжалась. Солдат снова ловил темные фигурки в прорезь прицела, но ни легко, ни спокойно ему больше не было. Поэтому он радовался тогда, когда промахивался и огорчался когда попадал. Правда, когда попасть не удавалось то темный силуэт продолжал приближаться. Разумеется, он знал, что если темная фигура вырастет достаточно большой в прицеле, то она воткнет четырехгранный штык ему в живот и будет больно. Но рядом были другие солдаты мышиноного короля, прильнувшие своими крысиными мордочками к прицелам винтовок и хищно водящие длинными усами. Они тоже стреляли и неловким темным силуэтам с примкнутыми штыками никак не удавалось добраться до их траншеи. Весело кашляли винтовки, отрывисто лаяли пулеметы и неловкие люди в зеленом продолжали покорно падать в зимний снег, в весенние цветы, в летние травы и в осеннюю слякоть. Их уже лежало там так много в этой чужой для солдата и родной для них земле, очень много. Порой солдату казалось что они уже давно должны закончиться, ведь не может же быть на свете так много неловких людей в зеле-

ном. Но люди в зеленом все не кончались и не кончались, и дивизии мышиноного короля начали медленно и очень организованно откатываться на запад. И также медленно сменялись названия на дорожных указателях. Теперь он мог их прочесть, ведь они уже были на его языке. Некоторые из них выглядели знакомо: Петергоф, Веймарн, Кингисепп. Другие же звучали чуждо: Луга, Черемыкино, Ополье.

Все это заставляло думать, а думать он не привык, ведь крысе не положено думать. Но и не думать он уже не мог. Наверное, ему помог в этом таинственный одноногий старик. Он думал много: думал о доме, о маме и об оранжевом солнце над черепичной крышей. Он продолжал думать и об этой бесконечной войне и о войнах вообще. У него пока не получалось облечь свои мысли в слова. Эти слова копошились где-то там, глубоко в его сознании и в голове было щекотно потому что слова просились на язык. Но язык пока что не мог их произнести, ведь это было совсем новые и непривычные слова. Однако он верил, что эти слова обретут жизнь и вырвутся из него рано или поздно. Вот тогда, думал солдат, он перестанет быть крысой и сорвется наконец с длинной незримой нити. Однажды он почувствовал, что этот момент совсем близок.

А в апреле, в бою под Нарвой острый кусок железа разорвал ему шинель и вошел под сердце. Осколок был к нему милосерден и сразу порвал нервный узел, поэтому боли солдат не почувствовал. Он лишь понял что никогда больше

не увидит рыжее солнце над черепичной крышей, но почему-то его это не огорчило. В оставшиеся ему мгновения он успел подумать, что если закрыть глаза, то ему удастся снова увидеть того старика. По непонятной причине это было для него сейчас очень важно, важнее чем веселое рыжее солнце над черепичной крышей. А еще ему хотелось заглянуть в эти окаймленные веселыми морщинками грустные глаза и что-нибудь сказать. Он не знал, что именно следует сказать, но обязательно сказал бы самые правильные слова, если бы только смог закрыть глаза и увидеть старика. Но закрыть глаза ему так и не удалось, зато он еще успел увидеть на своих ногах черные сапоги вместо серых крысиных лап. На левом сапоге почти совсем оторвалась подметка.

Гений сцены или Жизнь по системе Станиславского

С самого раннего детства он грезил театром и мечтал о сцене. Она мнилась ему сакральным местом сосредоточения истин, некой точкой пересечения всех прямых, подлинной целью стремлений, счастливым концом всех дорог. Он стремился на подмостки со всей страстью юности, как некоторые рвутся в дальние, экзотические страны за неизведанными фантастическими удовольствиями или за долгожданным просветлением. Его же просветление, его катарсис ждал его там, за срезом рампы.

Когда же это началось? Наверное, когда мама первый раз привела его в театр. Но первое, что поразило его, оставило неизгладимое впечатление, это вовсе не была сцена. Нет, еще не она, а нечто иное. Неправда, что театр начинается с вешалки. На самом же деле, и это несомненно для любого ребенка, театр начинается с буфета. Вы помните запах апельсина, легкую желтизну бокалов шампанского, футуристическую инсталляцию пирожных, бутерброды с кружочками салями, нарезанной так тонко, что они просвечивали?

На сцену он обратил внимание только с началом второго акта. Там, на подмостках, явно происходило нечто. Вначале

он не понял, не осознал того что видит, но вскоре понимание пришло и пришло оно пронзительно, как озарение, как момент истины. Там, на сцене, бурлила, пузырилась, сверкала реальность. Именно там и свершалась истинная жизнь, а не ее подобие, как в зрительном зале. И тут произошло невероятное... Мир исчез для него и осталась только она, дощатая площадка подмостков. Исчезли улицы, дома, люди. Исчезли, как и не было их никогда. Даже великолепие буфета померкло. Осталась только сцена. Теперь для него существовали исключительно они, эти пятнадцать метров в глубину и пятнадцать в ширину. Именно там, за срезом ramпы, был его мир, была настоящая жизнь, единственно возможная и правильная. Ну а в зале, да и не только в зале, жизни не было. Здесь была лишь имитация жизни, эрзац-жизнь, подобная существованию младенца в утробе матери. Но ведь он пока еще здесь, верно? Значит он еще не родился, не появился в светлый мир за рампой. Но его час придет и он явится на свет. Да, да, именно так, ведь сцена еще не готова его принять. Что же делать?

Он и сам не помнил, как выскочил из зрительного зала и помчался по безлюдным коридорам театра, тускло освещенным приглушенным светом ламп. Коридоры закончились таинственным помещением, завешенными тысячами пыльных костюмов – он попал в костюмерную. В панике он выбежал оттуда и снова понеслись назад стены коридоров. Он видел полуоткрытые двери, за которыми тускло светились зерка-

ла и пахло незнакомыми, тревожными ароматами. Наверное, это были святая-святых театра – гримерные. А ноги несли его все дальше и дальше. Сейчас ему было совершенно необходимо побыть одному, подумать и переварить то, что открылось ему минуту назад. Но побыть одному ему не удалось. Не удалось потому, что он с размаху воткнулся головой в живот какого-то существа. Да, именно существа, потому что он до конца своих дней не был уверен, что встреченный им тогда незнакомец был человеком. Лица существа он так и не увидел, потому что до конца разговора не поднимал головы.

– Впервые в театре? – прозвучал вопрос, заданный каким-то странным тоном.

В горле пересохло, мысли путались и он лишь судорожно кивнул. Как раз на уровне его глаза виднелась огромная перламутровая пуговица на странной одежде, к которой идеально подошел бы термин "камзол", если бы только знать, что он, этот термин, означает. Но необходимо было что-то сказать.

– Кто вы? – спросил он хрипло.

– Кто я?

Странно, незнакомец произнес это так неуверенно, как будто и сам не понимал, что же он из себя представляет.

– Кто я? – повторил он уже более уверенным тоном.

Последовавшая за вторым, а точнее – третьим, вопросом, пауза явно затянулась. Нашему герою даже показалось на

единый миг, что оба они стоят на сцене и разыгрывают кем-то прописанную мизансцену.

– Я ворон здешних мест! – начал незнакомец – Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо!

По мере того, как он говорил, его голос окреп, зазвенел неизвестно откуда взявшимися обертонами. Незнакомец уже не говорил, а вещал:

– Я и мгновение и вечность! Я и ничто и бесконечность! Я век и я всего лишь миг! Я и ребенок и старик! Я все и я ничто!

– Кто вы? – повторил наш герой, не понимая ни единого слова.

– Вообще-то, я гений этой сцены.

Последние слова незнакомец произнес совершенно обычным голосом, как будто сообщал, что выходит на следующей остановке.

– Гений?

– Если ты не знаешь этого слова, мальчик, то зови меня духом-покровителем сцены. Но, я вижу, что и это тебе непонятно. Ну что ж, тогда считай меня местным волшебником.

– Волшебник? – повторил он – Так вы исполняете желания?

– Я? – возмутился незнакомец – С какой стати я должен выполнять чьи-то бессмысленные желания?

Незнакомец замолк и, казалось, ждал ответа. Вроде бы, вдруг всплыло в памяти, в умных книгах, то что происходит

сейчас, называют "нездоровой тишиной". Эту тишину следовало немедленно нарушить, но ему удалось лишь отрицательно помотать головой.

– Впрочем – задумчиво произнес "гений" – Я готов допустить, что твое желание не слишком глупо. Ведь у тебя есть желание?

Пришлось кивнуть, потому что слова решительно не желали произноситься.

– Ну, и каково же оно, твое единственное и искреннее желание? – "гений" явно иронизировал.

Как же нелегко выплеснуть наружу самое заветное. Наконец, ему удалось... Нет, не сказать, а, скорее, прошептать:

– Я хочу на сцену!

Неожиданно, "гений" расхохотался. Его смех был таким раскатистым, что походил на искренние и бурные аплодисменты. Отсмеявшись, "гений" сказал:

– Разумеется, твое желание глупо, просто безумно глупо. Зато оно искренне, что отчасти искупает его глупость. Но постой, чего именно ты желаешь: играть со сцены или жить на сцене?

А разве это не одно и то-же, подумал он. Воистину все в речах таинственного существа было туманно и непонятно. "Гений" это заметил.

– Я не могу сделать так, чтобы на сцене все было для тебя как в жизни – в его голосе сквозило нетерпение, а может быть и раздражение от общения с туповатым собеседником – Зато

я могу сделать так, чтобы в жизни все было для тебя как на сцене. Это, пожалуй, в моих силах. Хочешь?

Он по-прежнему не понимал разницы, но безумно боялся упустить невероятный шанс. Ведь не каждому выпадает встретить настоящего волшебника. Гения. Поэтому он опять судорожно кивнул.

– Отлично! – воскликнул "гений" – Просто великолепно! Еще одна жертва на алтарь Мельпомены! А известно ли тебе, что мотыльки летят на свет рампы и почти все сгорают? Тебе не страшно?

Произнести что-либо ему по-прежнему не удавалось, зато удалось отрицательно помотать головой. Как ни удивительно, но страха не было совсем. Ведь он-то не сгорит.

– Ну что ж! – торжественно произнес "гений" – Тогда и быть по сему!

В зрительный зал мальчик возвращался со смесью самых разных чувств. Было там и смятение, был и страх, но были и неизвестно откуда взявшаяся уверенность и непонятно как снизошедшее на него спокойствие. Ведь "гений" все ему объяснил. На сцену нельзя было просто взойти, вбежать по ступенькам. Путь на сцену был долог и труден, но у него уже не было иного пути. Ну что ж, он будет терпелив, будет послушно выполнять то, что от него требуют. Он будет есть, спать, учить уроки, ходить в зоопарк, в гости и делать многие другие бессмысленные вещи. Но нет, это не было бессмысленно, отнюдь. Ведь он уже понял, что броуновское движе-

ние псевдожизни по сю сторону рампы приближает его истинное рождение. Так, значит, будем послушно чистить зубы и запоминать как называется столица Гондураса. Будем аплодировать и приближать тот сладостный миг, когда аплодисменты прозвучат в твою честь.

Последующие годы были подготовкой. Он ждал. Ждал своего режиссера и свою роль. Какое амплуа мне подходит, думал он? Кто я? Герой-любовник? Отец семейства? Злодей? Нет, я не злодей, думал он. Неужели мне отведена всего лишь роль слуги или резонера? Но нет, он будет играть по системе Станиславского, записки которого попались ему на глаза еще в начальных классах и которые он не понял, но заучил наизусть, чтобы понять много позже. Все верно, к черту все амплуа. Он будет всеми и всем: героем, любовником, злодеем, своим собственным дедом и даже своей матерью. Да, он давно уже примеряет на себя эти трудные судьбы. И где-то на краю подсознания слышится богоравное "верю" великого мастера.

И он ел, пил, спал, болел, но не жил, еще не жил. Разумеется, ведь это было не на сцене, а в зрительном зале. Почему в зале? Ну конечно, ведь что там может быть перед сценой? Только зрительный зал, что же еще? Ну а за стенами театра и вовсе ничего нет: вакуум, пустота, нигиль, гурништ. Каждый день, каждый его вздох там приближал его к сцене, как будто пересаживая из ряда в ряд. И вот постепенно, с годами, он спустился с балкона, с деланным безразличием про-

шел великолепиие лож, спустился в партер. Один ряд кресел сменяет другой, медленно, но верно приближая его к сцене. И вот он в первом ряду, а сцена... Ну вот же она, совсем рядом. Теперь остается только подняться по четырем невысоким ступенькам, которые не заскрипят под его осторожными шагами, и вступить из постылой обыденности зрительного зала в средоточие жизни – на сцену.

Свою первую роль он получил перед госэкзаменами. Ох, как он волновался. Казалось бы, что тут сложного? Выйти на середину, встать перед заслуженными артистами, играющими экзаменаторов, пробормотать несколько правильных слов, увидеть одобрительные кивки, с огромным облегчением найти выходную дверь... Воистину, задачка для начинающего. Но почему же так колотится сердце? Главное, не смотреть в зрительный зал, ведь огни ramпы все равно не позволят ничего увидеть. Они уже навеки отделили его от того, неправильного мира и теперь он живет на сцене, как и требовали великие мастера. Или это сама его жизнь стала сценой по мановению волшебной палочки "гения"? Не все ли равно. Главное, что он уже здесь, по сю сторону ramпы. Но где же аплодисменты? А вот и они. Огни ramпы гаснут и он видит лица в первом ряду. Кто это там аплодирует с такой силой? Да это же отец! Какие сильные у него ладони! А мать не хлопает, она лишь смотрит на тебя огромными влажными глазами и в них, в этих глазах, есть все: и любовь и гордость и, почему-то, страх. Не плачь, мама, не надо. Это же

мой дебют.

Спектакль приняли хорошо, но не повторяли. А следующую роль он получил в драме о неразделенной любви. Эта пьеса, мучительная и тяжелая, пользовалась, надо полагать, популярностью зрителей. Иначе как объяснить то, что вечер за вечером повторялся их диалог неудачника и принцессы? Надо отдать должное его партнерше: она играла интересно, с огоньком, привнося что-то свежее в каждое исполнение. Вначале она изображала смущение, нежелание обидеть. Но постепенно, спектакль за спектаклем в ее игре появлялось раздражение, презрение, злоба. И он ей искренне завидовал, понимая всю убогость своей игры. Да, он играл вяло, из раза в раз уныло произнося один и тот же избитый текст и изображая не совсем понятные ему самому чувства. Так постыло тянулся прогон за прогоном, спектакль за спектаклем. Но вот, наконец, исполнительница главной роли вышла замуж и уехала в другой город, и, ко всеобщему облегчению, спектакль пришлось снять со сцены. Как странно, что порой истина видна лишь на расстоянии. Тогда, играя в этой, как ему казалось, пронзительной драме чувств, он порой не понимал, почему из зрительного зала доносится смех: иногда смущенный, а порой и насмешливый. Уже много позже, играя совершенно другие роли, он понял, что то была вовсе не драма, а комедия. Да, да, именно комедия о наивном, не знающем жизни юноше.

Потом, в течении нескольких лет, ему давали незначи-

тельные роли: рабочего, студента, аспиранта. Были и любовные драмы, но эти роли его не захватывали, не трогали какие-то необходимые струны в душе; он играл вполсилы, лишь старательно изображая и чувство и страсть, но не живя ими. Так могло продолжаться вечно и ему даже начало казаться, что он не со сцены играет очередную осточертевшую роль, а просто живет, но живет вполсилы.

И тут режиссеры пересмотрели репертуар. Следующей большой постановкой была эпическая драма о войне, жестокая хроника, поставленная с отвратительной реалистичностью двумя весьма знаменитыми режиссерами. Позже, значительно позже, их обоих сурово осудили за жестокость некоторых сцен. Прозвучали даже резкие и справедливые слова, самым мягким из которых было "преступление", так что один из режиссеров даже покончил жизнь самоубийством. Но все это произошло не сразу. А пока что на подмостках гремела и грохотала война.

Ах, с какой пронзительной точностью была поставлена сцена на вокзале! Актриса, игравшая его мать просто превзошла себя. Как она смотрела сухими, быстро блекнувшими глазами ему вслед! Когда он в последний раз обернулся, следуя мизансцене, то ему даже на миг показалось, что это и на самом деле его мать. Подумать только, какова может быть сила искусства. Но и продолжение драмы было поставлено не хуже, настолько реалистично была задумана эта постановка. А спецэффекты?! Пороховой дым так и стелил-

ся по сцене, грохот разрывов рвал барабанные перепонки, и кровь... Кровь была почти как настоящая. Но что такое спецэффекты? Это всего лишь необходимый антураж, красочное дополнение, не более. Главное – это игра. И он играл, играл вкладывая все свое дыхание, играл ярость, страх, боль. Попробуйте передать безумную смесь отвращения, ужаса и облегчения, когда ржавый четырехгранный штык входит в шинельное сукно вражеского цвета. Тут ты должен сыграть все бессилие маленького винтика в безумной мясорубке войны, мягкого незлобного человека, которого послали убивать и который убивает. И он продолжал играть, смахивая пот с лица рукавом шинели, испачканном в чем-то красном. Когда режиссер предложил ему изобразить то, что случается, когда устремленное вперед тело встречается с несущимся навстречу маленьким кусочком свинца, он не возражал. Ведь он артист и может изобразить буквально все. Да, режиссер, несомненно остался доволен этой сценой. Пришлось упасть навзничь, но опытные ассистенты режиссера насыпали землю на доски сцены и он не разбил лицо. Сцена в лазарете ему особенно удалась, ведь надо было произносить свои реплики, как будто превозмогая невыносимую боль в раздробленном бедре. И он сыграл великолепно. Когда ты на сцене не один, когда ты не произносишь монолог, а участвуешь в диалоге, тогда в глазах партнера можно увидеть отражение твоей игры. Именно это он и увидел в глазах молодой актрисы, игравшей медсестру в госпитале. Там была и жалость и

испуг, было там и отторжение, нежелание жить чужой болью. Девушка играла так жизненно, что ей невозможно было не верить. Чего стоила одна только тяжелая складка на ее чистом лбу. Хотя вряд ли это было заметно зрителям дальше четвертого ряда. Постановку сочли слишком реалистичной и не повторяли, к великому облегчению артистов. Однако он так глубоко погрузился в эту роль, что ноющая боль в давно зажившем бедре преследовала его еще на многих последующих постановках.

Как прав был Станиславский! Надо перевоплотиться, стать им, своим героем, пропустить через себя его чувства. Но до чего же это тяжело и даже опасно. Ты растворяешься в чужом характере, становишься совсем другим человеком, кем-то совсем иным. И вот уже у тебя болят не тобой полученные раны, душевные и физические. А может быть это ты и есть? И эта пьеса о тебе и о тебе же будет следующая, и следующая за ней тоже. Да полно же, наконец! Может быть тебе лишь кажется что ты на сцене? Впрочем, не все ли равно? Ведь есть же такое избитое выражение – "сцена жизни". Ты когда-нибудь задумывался о том, что именно оно означает? Может быть мы не живем, а играем? Человек совершает героические поступки, дрожа от страха и все же поступая так, как требует от него невидимый драматург, как прописано в его роли. Так кто же он, храбрец или трус под маской храбреца? Иной же сохраняет верность своей скромной, незаметной и полнеющей жене, в тайне мечтая о длинноногих кра-

савицах. Кто он на самом деле: латентный ловелас или примерный семьянин? Кто мы? Те кто мы в душе или те, кем стараемся быть, кого играем? И где она, та незримая грань между подсознательным и показным, между жизнью и сценой? Не все ли мы жаждем аплодисментов? И в жизни и на сцене, под пристальными взглядами зрителей. Так будем же играть свою роль так, как задумано неизвестным драматургом. Пусть невидимый режиссер подсказывает нам реплики, а нашей задачей будет произнести их так, чтобы зал замер на две-три секунды. Какой зал? Как это, какой? Помни, у тебя всегда будут зрители: родители, друзья, прохожие. Так не разочаруй их! Вперед, на сцену! Твой выход!

В какой-то момент режиссерам пришла в голову гениальная мысль поставить на сцене целую серию постановок, продолжающих друг друга. Про такое никто раньше не слышал и можно было только удивляться неумной фантазии постановщиков. Согласно их идее на сцене должна была развернуться история одной семьи на протяжении многих лет. Первая из постановок предполагала историю создания этой семьи. В глубине души он был несказанно благодарен авторам текста за то что они избегали слова "любовь". Наверное, ему не хотелось опять играть комедийную роль. Но как же изобразить то, что он должен чувствовать по замыслу безумного тандема автора и режиссера? Как войти в это, прежде не свойственную ему роль? Наверное, надо показать нежность, привязанность, растущее чувство ответственности за ино-

го человека. Но как же выразить то, как изначально совершенно чужая женщина стремительно становится твоей второй половинкой, “инем” твоего “яня”. Или наоборот? Как же показать то что вырастает из простой признательности? Как назвать это чувство? Постой, но у тебя же есть текст. Ты же учил чужие слова, учил наизусть! Но к черту все тексты, здесь нужна импровизация, то волшебное сочетание казалось бы бессмысленных слов, незначительных жестов и предельно точных движений. Ведь только тогда увлажнятся глаза напротив, робкий румянец тронет щеки и к тебе потянутся ее руки. Эту сцену играют дуэтом и сыграть ее правильно можно только один раз. Потом ты будешь ее повторять и будут глаза и снова будут руки и будет прекрасное безумие, но это будет уже не совсем то. Были и эротические сцены. Поначалу он стеснялся, но быстро привык. А вот публика не выказывала большого восторга. Правда, он никогда не смотрел в зал, но всегда прислушивался к аплодисментам. Во время эротических сцен аплодисментов не было, наверное зрители стеснялись и закрывали глаза.

В следующей постановке у них родился сын и он как всегда играл в полную силу. Здесь надо было передать весь спектр чувств при виде этого визжащего комочка, который будет продолжением тебя, твоей копией. Он будет жить, когда тебя уже не станет и в нем будет частичка тебя. Теперь надо вложить в него все то, что кажется тебе важным, откроешь перед ним все разнообразие мира, научишь жить широ-

ко и весело. Ведь именно ты будешь тем, кто научит его плавать и ездить на велосипеде и именно ты в первый раз покажешь ему жирафа. Поэтому в твоей игре не должно быть ни малейшей капли фальши. В дальнейших постановках у него появилась дочь и он на самом чувствовал себя отцом, хотя, конечно, его детей играли две очень способные травести. Семейная драма продолжалась и стало привычным смена постановок от сезона к сезону. В какой-то момент ему даже показалось, что на его сцене ставят "Отцы и дети" по Тургеневу, настолько текст о конфликте поколений напоминал произведение великого классика. Но и эта постановка сошла со сцены. Потом, в одной из постановок была свадьба и он играл отца невесты, а массовка превзошла саму себя в изображении бурной пьянки, прерываемой криками "горько". Вот уже появился текст пьесы, в которой ему отводилась роль деда, почетная и незначительная.

И тут произошла неожиданная встреча. Однажды, выйдя из гримерной, он в задумчивости пошел по знакомым коридорам театра, не глядя по сторонам. Он шел и шел, не разбирая дороги и назад уносились гримерные, кабинеты, буфет. Наверное, там было еще что-то, какие-то декорации, но он оставлял их за спиной не рассматривая. Ему было о чем подумать. О, да! У него были вопросы к самому себе. Наверное, не только на сцене, но и в жизни человек рано или поздно начинает задавать себе такие нелегкие вопросы. Зачем он жил? Стал ли он тем, кем собирался стать? Живет он или играет

роль? А если и играет роль, то что это за роль? Правильна ли эта роль? И его ли эта роль? Вопросы роились вокруг него невидимыми надоедливо зудящими мухами. И ответы тоже были где-то здесь, вот только никак не удавалось их разглядеть. Незаметно для самого себя, он забрел в незнакомую часть театра. Здесь было грудой навалены старые декорации и он их узнал. Вот скамейка, на которой он играл свой первый поцелуй. Вот здесь лежат бревна фронтального блиндажа и госпитальная койка. А вот и обитый зеленым сукном стул в помещении месткома из старой производственной драмы, он помнил и его. Тут была вся его театральная жизнь, все сыгранное им. Его истинная жизнь.

Вдруг что-то теплое уперлось ему в живот. Он посмотрел вниз и увидел зеленые глаза. Это был ребенок, девочка лет семи, с лошадиным хвостиком темных волос, в синих джинсах и желтой кофточке с Микки-Маусом. Зеленые глаза смотрели испуганно и, почему-то, с надеждой. Они, казалось, ждали чего-то, эти глаза и их ожидание невозможно было обмануть.

– Впервые в театре? – спросил он испуганные глаза.

Девочка судорожно кивнула и робко спросила:

– Кто ты?

– Кто я?

Действительно, кто же он? И почему его голос звучит так неуверенно? Зудящие вопросы роились совсем рядом, не давая ответам приблизиться. Но он уже знал ответы на все во-

просы. Его голос окреп:

– Я ворон здешних мест! – начал он...

Теперь он знал чего хочет. Вначале было нелегко. Он решительно протестовал и был даже готов пойти на скандал, поставив тем самым режиссера в весьма неудобное положение. А ведь он всего лишь требовал роль. Но это должна была быть особая роль, такая, какую он еще не исполнял. Какая именно? Ведь он уже сыграл в любовной драме, в комедии положений, в военной драме и, наконец, в семейной саге. Не охваченной, однако, оставалась трагедия. Героическая трагедия. Режиссер вяло, но долго протестовал и даже применил тяжелую артиллерию. Он послал в бой всю труппу, занятую с семейной саге: жену, детей, зятя, престарелую мать (артист, игравший его отца ушел на преждевременную пенсию и в театре не появлялся). Но все уговоры были тщетны и, в конце концов, режиссер сдался.

А вот, наконец, и читка пьесы. Да, это именно то что он хотел бы сыграть. Нет, не трагедия, а драма, героическая драма, правда с трагедийным финалом. Сможет ли он это сыграть? Какой смешной вопрос. Артист он или нет?! У нас здесь все по Станиславскому, у нас нет ампула, у нас каждый может все. Не каждый? Возможно. Но ведь и речь идет не о каждом. И напрасно режиссер так странно смотрит на него. Последняя роль? Бенефис? Хорошо, пусть будет так. Но это будет его звездный час и он заставит зал затаить дыхание на те три бесценные секунды тишины, за которыми – взрыв ап-

ЛОДИСМЕНТОВ.

И вот он опять на сцене в этой своей новой роли. Конфликт не сложен, ему надо спасти ребенка из-под колес поезда. Да, это мой бенефис, думал он. Но я не один на сцене, не подведите меня, друзья. И они не подвели. Актриса, исполняющая роль беззаботной матери, не уследившей за мальчонкой, прыгнувшим с высокой платформы, была великолепна в своей короткой, но пронзительной роли. Вот только, пожалуй, визжала она слишком уж громко, так что ее истошный визг порой переходил в ультразвук. Нет, это слишком уж напоминает провинциальный театр 19-го века, а вот в жизни так не бывает. Наверное, не бывает. Массовка тоже не подкачала, а режиссерская работа была просто гениальна. Каким же надо обладать талантом, чтобы воспроизвести на сцене весь этот хаос, в котором, тем не менее, каждый знает свою роль в безумном балете и свою партию в хоре испуганных воплей? А вот в его роли, хотя она и центральна, совсем нету слов, Странно, ведь было бы так красиво произнеси он что-нибудь героическое, прыгая с платформы вслед за мальчишкой. И потом, бросая его легкое тельце (эта трагедия слишком изнуряет себя диетой, надо будет ей сказать) обратно на платформу, он тоже не произносит ни слова. А ведь так красиво было бы выкрикнуть: "Живи, парень!" Или что-нибудь столь-же возвышенное. Но роль есть роль. Одно дело смело интерпретировать тогда, когда беспомощный авторский текст напрочь вылетел из головы, и совсем другое

когда в ремарках к роли жирным шрифтом прописано: "молча". Что же, будем играть молча, ведь ты артист и можешь сказать буквально все языком тела. Но как же сыграть? И что сыграть? Ужас перед надвигающимися стальными колесами? Попробовать вылезти на на высокую платформу и сорваться в последний момент? А может встать в гордую позу, скрестив руки на груди? Нет, все это будет и глупо и пошло. Есть только одно, единственно правильное решение и это – спокойствие перед надвигающейся смертью. Именно так он и сыграет и именно эту его игру будут вспоминать заядлые театралы и именно ее будут мудро анализировать высокопоставленные театральные критики.

Вот и все. Финита. Спектакль сыгран и в зале царит та бесценная тишина, которая во сто крат ценнее бешеных аплодисментов. Впрочем, аплодисменты еще будут, всему свое время. Надо бы выйти на поклон, поприветствовать тех, кто не поленился и не побоялся прийти. К сожалению, мой режиссер – новатор и реалист. Он считает, что зрители не поймут, если на поклон выйдет тот, кому мгновение назад отрезало ноги сверкающими дисками вагонных колес. Ну что ж, будем следовать его видению. Но, бог ты мой, какой бесподобный спектакль! Великолепным было буквально все: и игра и декорации. И звуковые эффекты неплохи, но кое-над чем надо бы еще поработать. Стук вагонных колес, например, не должен заглушать аплодисменты. Я же их совсем не слышу.

Но он услышал... Вначале робкие, они становились уверенней и громче. И вот уже неиствует весь невидимый зал, приветствуя его продолжительными, гулкими и искренними раскатами. Остановись, мгновение, подумал он, ты прекрасно! Это была очередная, выскочившая из подсознания, реплика, кусочек заученной когда-то и так и не сыгранной роли. Но именно она была наиболее правильной, идеальной репликой в такой ситуации.

И мгновения послушно остановились.

Правдивая история о том, как улыбнулся космонавт Сидоров

...Да, конечно, мы все так и называли его Сидоровым. Нет, мы как правило используем имена, но бывают и исключения. К примеру, Нангонга мы тоже зовем по фамилии, потому что его корейское имя никто не может правильно произнести, даже он сам. В общем, не знаю о чем думали родители Сидорова, называя ребенка Святополк, но на этом имени не один астронавт, космонавт, тайконавт и ближневосточный покоритель пространств, для которых еще нет названия, сломал язык. В конце концов мы плюнули и Сидоров так и остался Сидоровым.

Время тогда было трудное. После долгого перелета, в котором мы большей частью блаженно бездельничали, наступили суровые будни. Оборудовать базу на другой планете, знаете ли, это вам не шатер в песках разбить. Хотя и шатер тоже... Впрочем, неважно. Ну, базу-то мы подняли авраль-но, а потом и началась настоящая работа. Научники расставили свои приборы считай под каждым камушком, а нам надо было три раза в день снимать показания. Телеметрия, говорите? Телеметрия, конечно, дело святое, но Марс тогда был совсем иной планетой и приборам не слишком дове-

ряли, а после пыльной бури их и вовсе приходилось заменять. Да и в иной спокойный день, то один, то другой датчик начинал вдруг показывать погоду в Абу-Даби и приходилось его заново калибровать. Выход на поверхность, как мы, космонавты, астронавты, тайконавты и прочие, называли все что за пределами базы, занимал не менее двух часов. Мало того, что надо было натянуть на себя тяжеленный скафандр и шлем, следовало проверить связь, проделать множество иных, порой совершенно рутинных, проверок, а потом пройти дезинфекцию. С этим у нас тогда было очень строго, особенно зверствовали экологи. Вообще-то было не совсем понятно, кому нужны экологи на мертвой планете, но они у нас были, а мы были в их власти. Один из них был ирландцем, а второй, точнее, вторая, японкой. Имена? А зачем вам имена? После того, как Сидоров улыбнулся, они себя не слишком афишировали, избегая насмешек, так что не буду и я. Но тогда они во всю проявляли особенности своих национальных характеров. Ирландец был ехиден, заносчив и требователен, а японка, в свою очередь, была неестественно спокойна, строга и не менее требовательна. Но, кажется, я повторяюсь? Впрочем, оба действовали из самых лучших побуждений и мы не держали на них зла. Потом, когда экологи основательно сели в лужу, мы их даже попытались утешить и уговаривали остаться, но удержать не смогли. К чему это я? Ах да, после дезинфекции следовала еще одна проверка связи и мы выходили в шлюз. После того, как в него зака-

чивалась марсианская атмосфера (одно название, я вам скажу, а не атмосфера), следовала еще одна дезинфекция, опять же по требованию тех-же экологов. Нам было не совсем понятно, что именно ими двигает, но они вроде бы намекали на какие-то следы органики в скалах, на полторы молекулы бензола, найденных в последней пробе и на тому подобную мутотень. Поэтому связываться с ними было неразумно, мы и не связывались.

Вот и в тот день вышли мы с Сидоровым на маршрут. Почему с Сидоровым? А я любил с ним ходить и всячески старался попасть с ним в пару. Какой-то он был надежный, что-ли, и было с ним легко и спокойно, насколько вообще может быть спокойно на далекой и не слишком дружественной планете. А еще Сидоров был молчалив и не улыбочив. Да, он не улыбался никогда и у него были на то причины. Про это мы узнали совершенно случайно, а как именно – неважно. В общем, выяснилось, что нашего Сидорова оставила жена, да не просто оставила, а ушла от него с маленьким сыном. Казалось бы, что тут такого необычного? С нами: астронавтами, космонавтами, тайконавтами и ближневосточными покорителями пространств, для которых еще не придумали названия, такое случается сплошь и рядом. Когда муж месяцами, а то и годами, пропадает неизвестно с кем в таких местах, для которых еще не придумали названия, то не стоит удивляться, если вернувшись, обнаружишь чисто убранный дом и ни одной игрушки на полу. Так что разводы в нашем ремесле

случаются так же часто, как дожди под Санкт-Петербургом, где я провел несколько месяцев в учебном центре. Правда, мне это, похоже не грозит, ведь у меня две жены, что в корне меняет дело. Многоженство в нашем эмирате не запрещено, но не поощряется и даже осуждается авторитетами, однако для меня власти сделали исключение. Почему, спрашиваете? Да потому, что две жены не чувствуют одиночества в такой степени, как одна, муж которой несется в пространстве за миллионы миль от дома. Две женщины могут мирно попить чай, поболтать, сходить за покупками, а могут поругаться, разбежаться по разным комнатам и потом помириться. Им не так уж и нужен для этого муж и, поэтому, двоеженство лишь укрепляет брак для таких как мы: астронавтов, космонавтов, тайконавтов и... ну вы понимаете. Но Сидоров был лишен такой возможности и заплатил за это своей семьей. Для кого-нибудь иного это не было бы такой уж трагедией, но не для нашего Сидорова. Нет, он не впал в депрессию и не лелеял суицидальных идей, он был мужик крепкий, побольше бы таких в нашей Солнечной системе. Вы же понимаете, не будь он таким, его бы завернули еще на этапе предполетного психологического кондиционирования. Так что ни по работе, ни по контактам в команде к нему претензий не было. Просто он был молчалив, немного угрюм и никогда не улыбался.

А еще, он никогда не получал писем. Вы же понимаете, связь на такие расстояния – дело ненадежное и дорогостоя-

ящее. Поэтому наше руководство отчитывается чуть ли за каждый байт принятый или переданный главной антенной. Но то-же самое начальство прекрасно понимает, что такое весточка от родных для того, у кого дом за полторы астрономические единицы от базы, поэтому для личной переписки почти не существует ограничений. И одному только нашему Сидорову никто не писал. Само такое молчание наводило на мысль о том, что разрыв с семьей у него будет посерьезней чем простое "разъехались и остались друзьями", но подробностей мы не знали и узнать не стремились.

Маршрут у нас с Сидоровым был несложный и круговой, по гребню холма, который, как и многие другие формации на планете представлял собой каменную осыпь с одной стороны и отвесный обрыв с другой. Образовали его частые в этих местах песчаные бури, дующие всегда в направлении вращения Марса. Базу, от греха подальше расположили с наветренной стороны холма, что ставило ее под удар стихий, зато избавляло от возможных обвалов. Нам предстояло подняться по осыпи с одной стороны, пройти по гребню вдоль обрыва, спуститься вниз по другому краю осыпи и подойти к базе с противоположной стороны. Никаких особых трудов нам не предстояло, лишь контроль показаний приборов, да полевое тестирование некоторых из них. Но если кто думает, что подъем по неверному нагромождению камней подобен легкой пробежке по барханам, то он ошибается вдвойне. Во-первых, бегать по легкому, рассыпающемуся песку бар-

ханов тоже не так-то просто. Приезжайте к нам в Эль-Фуджейру, сами убедитесь. А тут вам каменная осыпь и не говорите мне, что сила тяжести на Марсе втрое ниже, потому что тяжелый скафандр с лихвой это компенсирует. Но нам не привыкать, поэтому вскоре мы поднялись на гребень и остановились, замороженные отрывшимся видом, во всех отношениях неземным. Теперь такого на Марсе и не увидишь и я даже немного, совсем чуть-чуть, жалею об этой навеки ушедшей красоте марсианской пустыни. Перед нами открылся кратер, обрамленный песчано-красными горами с трех сторон и открывающийся в четвертую, туда, куда уносились бурые джины песчаных бурь. Там, всеми оттенками желто-красно-бурого переливалась пустыня в лучах маленького марсианского солнца.

– Посмотри, Хамид – сказал Сидоров – Кажется дождик собирается.

Он, разумеется шутил. Сейчас это не так очевидно, ведь вчера пополудни прошел ливень, да и эти тучки мне чего-то не нравятся. Но в те времена это была дежурная шутка, только Сидоров тогда не улыбнулся. Он ведь вообще никогда не улыбался, просто считал себя обязанным шутить время от времени, чтобы в его присутствии нам не было так уныло. Но я тогда тоже не улыбнулся. Сидоров посмотрел на меня, пожал плечами, насколько это возможно в скафандре, и решил выпить сока. Березового сока, как потом выяснилось. И тут ему пришло письмо.

Я потом много раз его видел, это письмо, да и остальные тоже. В нем было одна строчка текста, рисунок и подпись под ним. В первой строчке было только слово: "прости", без знаков препинания. На рисунке, выполненным детской рукой были нарисованы три человечка, держащихся за руки. маленький посередине, большой справа и совсем уже гигантский слева. Это было необычно, потому что графику связь обычно не пропускала из-за ограниченной пропускной способности канала. Но там, в земном центре связи сидел кто-то небезразличный и письмецо для Сидорова чудесным образом пошло под грифом "Особо срочно, Чрезвычайной важности". А может быть, их было несколько, этих людей, знающих космонавта Сидорова и имеющих кое-что за душой. Поэтому, рисунок прошел все фильтры и брандмауэры, за какие-то восемь минут пересек половину области эклиптики, не задержался на маршрутизаторе базы и высветился на планшете сидоровского скафандра. Под рисунком было написано: "папка, мы тебя любим" и стояло три восклицательных знака. Думаю, что Сидорову хватило бы и одного.

В те времена термосы с напитками крепились у нас снаружи скафандра и присоединялись к питательной трубке гибким шлангом с герметическим штуцерным соединением на конце. Конструкция, несомненно, дурацкая, потому что проще было бы держать емкости внутри скафандра, но надежная и позволяла таскать с собой целую обойму напитков. У меня, например, всегда был при себе термос с горячим кофе

и еще один с порошковым верблюжьим молоком. А вот Сидоров, тот всегда носил с собой березовый сок, хотя сам-же и утверждал, что в пастеризованном виде это не напиток, а дурная пародия на него. Как бы то ни было, но прочел Сидоров свое письмо и застыл. По моему, он и дышать перестал, потому что клапаны на шее перестали открываться. Мне, конечно, никто не верит, но я могу поклясться, что Сидоров не дышал минут пять, если не больше, и все смотрел на свой планшет как завороченный. Я ему не мешал, да и зачем? Ну не дышит человек, и что? Может ему и не надо дышать.

А потом у него выпал из рук термос и тут выяснилось, что штуцерное соединение не полностью герметично. Да, заметное количество березового сока пролилось на грунт и тут-же, как и полагается жидкости на Марсе, зашипело и испарилось. Падение термоса оторвало Сидорова от созерцания драгоценного письма.

– Ох и попадет мне от экологов – сказал он весело.

И тут я это увидел. Да, друзья мои, перед лицом Аллаха истинно свидетельствую, я, Хамид Фуджейри, первым увидел как улыбается космонавт Сидоров. Извините, вы зуммер слышали? Вы уж меня простите, но у меня время молитвы. Можно вас попросить? Мне тут надо коврик расстелить. Спасибо большое...

Ну вот, помолился и душе хорошо стало. Направление на Мекку, говорите? Да, это непросто. Надо рассчитать положение Земли, потом положение Марса. К тому-же орбита Мар-

са наклонена по отношению к области эклиптики. Тут, пожалуй, и ошибиться можно запросто, или, того хуже, получить азимут на Каабу напрямик под ногами. Нет, лучше уж попростому, вон на ту горку я и молюсь. И ничего, Всевышний не жалуется и на душе легко, а это верный знак. Эйтан, так тот утверждает, что Всевышний везде, и вы знаете, думаю, что он прав. Евреи, они, пожалуй, понимают в этом не меньше нашего, Аллах свидетель. А что Сидоров? Не знаю, никогда не интересовался. Правда, крест на нем есть, сам видел.

Давайте сядем здесь под яблоней и я вам дорасскажу конец этой истории. Как не заметили? Самая настоящая яблоня, "ренет симиренко". Как это, кто посадил? Никто ее не сажал, сама выросла. Правда теперь я припоминаю, что стоял тут Сидоров и жрал яблоко. Это было как раз после того, как Марс ожил, Сидоров тогда уже все время улыбался. Стоит он, помню, тогда как раз в этом месте и улыбается самому себе. Он тогда веселым стал, Сидоров, улыбочивым таким. Стоит и яблоко грызет. А зубы у Сидорова знаете какие? Экологи наши тогда заперлись со стыда в каюте и никуда не выходили, поэтому никто не запрещал есть на Марсе яблоки и сплевывать косточки на марсианский грунт. В общем, лопает он яблоко, а треск стоит по всему Марсу. Стоит себе и только семечки яблочные сплевывает, а яблочный сок так и течет у него по подбородку. Вот тут он как раз и стоял и напевал себе под нос: "И на Марсе будут яблони цвести..." Вы же вроде из России, а это известная у вас песня. Не слы-

шали? А мы все ее знаем: астронавты, космонавты, тайконавты и ближневосточные покорители пространства, для которых еще не придумали названия. Наверное от тех семечек и выросла эта яблоня. Но я, кажется, немного отвлекся.

Что было после того как Сидорову пришло письмо? Да уж, кое-что еще произошло. Ну, слушайте! Помнится мне, стоит Сидоров там, над кратером, и то на грунт посматривает, где березовый сок разлился, то на планшет свой и все улыбается, улыбается. Потом подобрал он свой термос, даже не стал его подсоединять к скафандру и собрался было уходить. Повернулся, посмотрел пристально так на то место, где сок разлил и говорит:

– Хамид, ты ничего такого не замечаешь?

– Какого, такого? – спрашиваю.

– Да, нет, показалось – отвечает и снова на планшет посмотрел.

Я, конечно, никому про березовый сок не сказал, ведь за такое тогда могли и на Землю отправить. Только Сидоров и сам во всем признался экологам, как только вернулись мы с ним на базу. Такой уж он был, Сидоров. Наши экологи, однако, что ирландец, что японка, оказались ребята что надо и сделали вид, что ничего не слышали. Наверное, они тоже знали про письмо. Вот, пожалуй, и все, что произошло в тот день. Разве что, помнится, уже под вечер посмотрел Сидоров на монитор и говорит нам:

– Вы, ребята, случайно, не обратили внимания, какой се-

годня необычный цвет у неба? Совсем как на Земле.

Мы только плечами пожали, а Айша бросилась было объяснять, что на Марсе все наоборот: день красный, а восход и закат голубые. Как будто Сидоров и сам не знал. Эта Айша, она была славная девушка, чем-то напоминающая мою младшую жену, но немного занудная, даже странно для мусульманки. Тут вмешался Эйтан и резонно и веско, как всегда, пояснил, что все это фигня и мониторы все равно искажают цветопередачу. На том все и закончилось в тот вечер. А под утро началась песчаная буря. Мы еще не знали тогда, что то была последняя песчаная буря на Марсе. Бушевала она целых три дня и мы уже начали сходить с ума от безделья. Вы, наверное, и не представляете, что такое песчаная буря. На Земле такое тоже бывает, особенно в наших местах и сильно влияет на психику. На тебя нападает странная такая тоска, как будто забыл что-то важное и никак не можешь вспомнить. А в голове вертится какая-то каша из путанных мыслей и все время кажется, что сейчас познаешь всю мудрость вселенной, но, не волнуйтесь, это только кажется. Ну его, пусть с этим психологи разбираются. В общем, зрелище это не для слабонервных, поверьте мне. Представьте себе сплошную стену песка, которая колыхается, вертится, завывает и. кажется, живет своей жизнью. Еще мой прадед искренне считал песчаную бурю пляской джиннов и верил, что от них может защитить только молитва и обнаженный клинок в руках. Я это уже не застал, а отец рассказывал с неуве-

ренной усмешкой, что его дед так и стоял на коленях с обнаженным мечом, пока джинны бушевали за стенами шатра. Я уже совсем иное поколение и знаю все про турбулентность и вязкость песка, но и меня иногда тянуло вознести хвалу Всевышнему, когда песчаные вихри неистово бились об окна нашего дома в Эль-Фуджайре. Эйтан как-то рассказывал про ветра из пустыни – хамсины – в его стране, но то, судя по всему, были лишь отголоски настоящей песчаной бури. И то сказать, если его страна течет молоком и медом, то какая там может быть песчаная буря? Так, легкий самум. То ли дело в наших местах. И все это на Земле, так что же вам сказать про Марс? Марсианские джинны, были, пожалуй, много страшнее земных.

Бушевала та буря целых три дня и была то последняя атака старого Марса, только мы об этом тогда еще не знали. А как буря утихла, мы с Сидоровым снова вышли на маршрут. Надо было проверить приборы и составить список потерь, чтобы потом, в следующие ходки начать заменять поврежденную аппаратуру. Почему снова мы? А это Сидоров настоял. Уж очень ему хотелось снова посмотреть на то место, где он свое письмо получил. Тогда к его улыбке еще не успели привыкнуть и просто не могли ни в чем отказать. Я? Вообще-то я всегда старался выходить с Сидоровым, но в тот день нас было четверо: к нам с Сидоровым присоединились Эйтан и Нангонг. Вот тогда-то все и произошло.

Еще когда мы шли вверх по знакомой осыпи, то замети-

ли странность. Солнце уже поднялось и небо должно было уже превратиться из голубого, утреннего в красно-оранжевое, дневное. Небо, наверное, очень старалось, но выходило у него как-то странно, совсем не так, как обычно. Красно-оранжевое действительно появилось, но как-то неуверенно и стало медленно-медленно менять цвет. На какой? А вы догадайтесь с трех раз! Молодцы, вам и одного раза хватило. Небо в тот день поколыхалось, поколыхалось и стало именно такого цвета, какой вы видите сейчас.

Мы еще не успели подняться на гребень, а уже знали, что что-то необычное произошло на Марсе, только не знали что именно и, поэтому, настороженно молчали. Думаю, что один только Сидоров догадывался, но и он не знал наверняка. Вот поднялись мы на гребень и застыли в восхищении. Я там и раньше бывал по два раза на дню и всегда этот вид вызывал у меня восторг, но в тот раз все было как-то совершенно необычно. Вдалеке, ближе к недалекому марсианскому горизонту раскинулась все та-же красно-буро-желтая пустыня, вот только оттенки сегодня были совершенно иными. Вместо ярких карминно-охристых красок, перед нами предстали мягкие, пастельные тона, казалось бы, тех-же самых цветов.

– Не может быть – раздался в наушниках дрожащий голос Нангонга.

– Это же... – Эйтан прервал свою фразу, наверное не решаясь озвучить крамольную мысль.

Я, кажется, тоже бормотал что-то невразумительное и

лишь один Сидоров ничего не сказал. Когда я посмотрел на него, он уже отстегнул карабины шлема. Сидоров стоял далеко, в паре сотен шагов от нас, и мы все разом бросились к нему. Наверное мы испугались, что он сошел с ума от трехдневной пляски джиннов за стенами базы, но не успели. Сидоров сорвал шлем с головы резким движением и его окутало облако пара от вырвавшегося из скафандра воздуха. Он упал на колени и так и стоял там, пока мы преодолевали свою стометровку в тяжелых скафандрах. Эйтан и Нангонг, вопя что-то неразборчивое каждый на своем языке, сразу обогнали меня и вовсе не потому, что бежали быстрее. Просто я остановился и тоже начал отстегивать шлем. Почему? Да потому что у меня зрение получше и я заметил, что Сидоров вовсе не упал. Что, простите? Какая еще тайна? Он встал на колени, чтобы понюхать цветок. Вот именно, первый цветок Марса, выросший там, где пролились на мертвый марсианский грунт несколько капель пастеризованного березового сока. Нет, не помню точно. Может быть такой, как этот? Видели ли бы вы глаза Эйтана и Нангонга, когда они обернулись на мой крик восторга. Истинно говорю вам, я, Хамид Фуджейри, ближневосточный покоритель пространств, был вторым человеком, вдохнувшим марсианский воздух. Первым был, разумеется, Сидоров.

Как именно ожила планета, мы так и не поняли, хотя кое-какие догадки у нас были. Наверное, березовый сок и в пастеризованном виде неплох, хотя дело тут не только и не

столько в нем. Некоторые умники потом били себя пяткой в грудь и невнятно бормотали что-то про березовые скрепы и гиперборейскую панспермию. Но, это на Земле, а не у нас, разумеется. Мы-то знали, что дело не в березах, а в Сидорове и в таких, как он. Поняли? Ну, вот и славно.

Хорошо ли я знал Сидорова? Что значит "знал"? Я его и сейчас прекрасно знаю, всю его семью. Сидоровы уже полгода как марсиане, вон там, за речкой их ферма. А вы не знали? Да, и жена и сын, причем госпожа Сидорова снова беременна, так что вскоре у нас Сидоровых прибавится. Нет, не знаю, еще не делали ультразвук, но подозреваю, что девочка. Почему? Да потому что Сидоров так хочет, он мне сам говорил. А если уж Сидоров чего-то хочет... впрочем, это к делу не относится.

Ну вот, пожалуй и вся история о том, как Сидоров улыбнулся, а Марс ожил. Что? Что вы сказали? Сидоров улыбнулся после того как ожил Марс? Кто вам рассказал такую чушь? Не советую вам пересказывать эту байку на Марсе, вас просто поднимут на смех. Ученые? А вы их больше слушайте, они еще и не то наплетут. И про цепную реакцию латентной экосистемы и про катализатор чего-то там. Ерунда это все, профанация концепций и инсинуация абстракций. Вы лучше загляните им в глаза: ничегошеньки они толком не знают и боятся в этом признаться. Я? Разумеется! И не я один! Истинно свидетельствую, только мы, марсиане, знаем как именно было дело. Как? А вы не догадываетесь? Аллах

свидетель: Сидоров улыбнулся, потому что получил письмо,
а Марс ожил, потому что улыбнулся Сидоров.

Эпоха для кабанов или Дары Артемиды

Когда кабаны окончательно затерроризировали Город, в мэрии наконец вспомнили про меня. Моя должность называется "релейтер" или, более длинно, "менеджер по связям с общественностью". Как по мне, так название сие идеально подходит для синекуры. В известной степени она, моя должность, и есть синекура. Хорошо хоть, что я оформлена на полставки – все таки не так совесть мучает. Но, тем не менее, существует и общественность, существуют и связи. Однако и те и другие у меня весьма необычные. Даже более чем необычные. Но об этом позже. Пока в Городе все спокойно, про меня не вспоминают. Однако, если на него нападают степные кочевники, наполеоновские армии или дикие кабаны, то сразу призывают к ответу "менеджера по связям". Впрочем, ни кочевников, ни Наполеона я не помню, ведь в этой должности я всего лишь последние три года. А вот сама должность существует в нашем городе с незапамятных времен. Ну а теперь именно от меня потребовали найти решение, потому что ситуация с кабанами начала выходить из-под контроля. Мне это было, разумеется, далеко не безразлично, ведь я люблю свой Город.

Нигде в мире, от вершин Анд до джунглей Суматры, нет

еще одного такого города. Попросите меня назвать самое необычное, что есть в Городе и я назову лестницы и Гору. Немало есть на свете городов, раскинувшихся на склонах, но такая Гора есть только у нас. Она хранит немало тайн, многие из которых известны лишь упертым краеведам и таким-же упертым экскурсоводам. А есть и такие тайны, что известны одной мне. По крайней мере – одной мне из живущих на поверхности. Я считаю, и у меня есть на то основания, что наш Город и наша Гора неразрывно связаны. Когда-то, в незапамятные времена, произошли неведомые тектонические сдвиги и Гора врезалась в море под острым углом подобно огромному утыгу. Севернее Горы образовался обширный залив – прекрасное убежище для кораблей. А вот по другую сторону Горы море спокойно накатывается на пологий берег, который неторопливо тянется на юг вплоть до развалин замка крестоносцев. Город же наш растекается по обоим склонам Горы и спускается к воде густой сеткой дорожных серпантинов и пересекающих их крутых лестниц. По улицам ездят машины и автобусы, а вот мне ходить по улицам и скучно и долго. Совсем другое дело – лестницы. Это длинные цепочки щербатых ступенек, которые катятся вниз с Горы в десятках разных мест. Многие из лестниц имеют имена, и я знаю немало домов, выглядывающих своими окнами на лестницу и не имеющих представления об улицах. Поэтому, тот, кто любит наш Город, любит и спускаться по его лестницам. Надо лишь найти ничем не примечательные

ступеньки, начинающиеся откуда-нибудь от верхнего променада с видом на бухту и корабли, и смело ступить на них. Вот и все, дальше лестница поведет тебя сама, только знай считай ступеньки. Вначале, стиснутая с обеих сторон зарослями олеандров и алеппских сосен, она неторопливо ведет тебя вниз, пересекая не слишком широкие улицы над которыми переплетают свои ветки те-же сосны, огромные акации или лавры. И вот, ступеньки ведут тебя все ниже, а дома смыкаются все ближе и начинают уже нависать над лестницей. Сосен больше нет, их сменили бугенвиллии и огромные фикусы, у которых непонятно где корни, а где стволы, настолько и те и другие переплелись. Потом появляются неопрятные, лохматые пальмы и начинает явственно пахнуть розмарином от стелющихся под пальмами кустов. А лестница все идет и идет вниз, периодически превращаясь в улицу с магазинами и автобусными остановками и снова становясь лестницей. Наконец, лестница врывается в веселый Нижний Город и заканчивается портом с огромными кранами и разноцветными кораблями. Я знаю все лестницы нашего Города и часто их навещаю. Лемуры тоже любят спускаться по лестницам, но они делают это изнутри и спускаются они не вниз, а вверх. Как именно? Не спрашивайте, я все равно не смогу объяснить, хотя однажды сама это видела.

Но сейчас мне самой надо было подниматься вверх на Гору, а подниматься по ступенькам это совсем не то что спускаться – на это я решаюсь не так часто при всей моей любви к

лестницам. Поэтому пришлось воспользоваться подземным фуникулером, который мы гордо зовем "метро". На самом деле это три небольших вагона, пол в которых тоже представляет из себя лестницу, потому что вагоны поднимаются круто вверх. Поднимаются они не сами, их тянут вверх "за веревочку". И все же здесь есть многое из того, что ожидаешь встретить в порядочном метро: платформы (правда – весьма короткие), электронные табло, турникеты и даже небольшой эскалатор. Перед выходом в Город я позвонила по одному, известному только мне, номеру. На звонок ответила старушка, живущая на самом краю Горы с видом на море. Разговор был всего лишь о здоровье, но я знала, что после моего звонка она сразу пойдет в монастырь неподалеку. Там, посередине монастырской церкви, она найдет старинный колодец. Считается, что его выкопали еще первые христиане, спасаясь в катакомбах от преторианцев. Потом над колодцем построили церковь, которую неоднократно разрушали мамлюки и турки и которая каждый раз возрождалась на том-же месте. На самом же деле колодец значительно старше, но знаю это одна я. Старушка бросит в колодец маленькую монету. Любой нумизмат, увидев ее (монетку, а не пожилую даму) сошел бы с ума от зависти, ведь это медный обол страшно подумать каких времен. Но старушка этого не знает и лишь подозревает, что совершает грех. Раз в месяц она кается в нем своему исповеднику, который с доброй улыбкой отпускает ей грехи, списывая историю с монеткой на возрастные фан-

тазии. Сама же монетка подобно пластмассовому жетону в питерском метрополитене всегда возвращается ко мне... В середине дня народу в подземке мало, и в нашем вагоне не было никого, кроме меня и глуховатой бабули. Поэтому я не удивилась, когда по крыше вагона постучали. Через пару секунд осторожный стук повторился. Похоже, сегодня меня будут рады видеть...

Но давайте, пока мой вагон медленно ползет вверх, вернемся к нашим кабанам. Всемирная эпидемия коронавируса, не обошедшая стороной и наш город, удивительным образом улучшила экологическую обстановку. Во время тотального карантина столь же тотально опустели улицы и эту нишу не замедлили заполнить братья наши меньшие. Например, в одном курортном городе дикие серны повадились ходить на пляжи, закусьивать газонами и прятаться от солнца под пляжными зонтиками. А в нашем городе объявились кабаны. До сих пор в городских палисадниках копошились мангусты, ежи, одичавшие кошки и прочая мелкая живность. Кабаны же жили себе мирно в глубоких оврагах, пересекающих районы нашего города и густо заросших мелким дубняком и разными вкусными корешками. Казалось бы, что еще надо: живи себе спокойно, никого не трогай, плоды поросят. Мы не ходили в их непроходимые заросли, а они не появлялись в наших "асфальтовых джунглях" и все были довольны. Но вот, какой-то свинский первопроходец забрался в опустевший город и вкусил от прелестей мусорного контейнера.

И понеслось...! Первопроходцы доложили по инстанции, и хрюкающий народец потянулся к благам цивилизации. Вскоре хрюшки подсели на пищевые отходы так, как иной наркоман – на тяжелые наркотики. Вначале они приходили ночью, опасаясь собак и бдительных старушек, но вскоре окончательно обнаглели. Я своими глазами видела здорового хрюка, который разлегся на газоне около школы и чуть ли не храпел, не обращая ни малейшего внимания на шелканные фотоаппаратов. Поначалу общение между горожанами и кабанами обходилось без агрессии. Многие воспринимали хрюшек как еще одну городскую достопримечательность, вроде обосновавшихся в городском парке хиппи. Некоторые даже говорили о санитарной функции кабаньего народа, подчищающего мусор и отходы. Особенно старательно поддерживали эту версию в санитарной службе мэрии, плохо справляющейся с вывозом мусора. Но когда на газонах стали появляться кабаньи мамы с выводком полосатых поросят и начали приучать свое потомство к благам мусорных бачков, знающие люди насторожились.

До поры до времени кабаны нас не трогали. Но животным, подобно людям, свойственно наглеть. И вот однажды молодой секач попытался отобрать коробку с бутербродами у девочки, мирно идущей в школу. Девочка, к счастью, оказалась крепким орешком и так просто не сдалась. Не долго думая, она накостиляла наглому животному по пяточку школьным рюкзаком, под завязку набитым тяжелыми учебниками, и об-

ратила грабителя в постыдное бегство. Однако, как показало время, покушение на бутерброды было лишь первым в цепи дальнейших недоразумений. Надо заметить, что недоразумениями подобные происшествия придумали называть у нас в мэрии, чтобы не создавать паники в народе и не портить статистику. В дальнейшем последовали следующие "недоразумения":

#

Наглый кабан отобрал у старушки любовно оберегаемый пакетик с пастилой. При этом сам кабан был деловит и молчалив, а вот старушка визжала подобно стаду кабанов.

#

Банда хрюшек повадилась ходить по палисадникам и жрать луковицы гладиолусов и цикламенов. Собак они уже не боялись, и запуганные псы лишь тихо повизгивали, не решаясь лаять.

#

Какой-то лихач, несущийся с недозволенной скоростью в навороченной тачке по безлюдной улице, врезался в полтонны жесткого мяса, застывшей в ступоре в лучах фар. Машину пришлось списать, сам лихач попал в больницу, а судьба кабана была печальной. Правда, лихач получил весьма солидную компенсацию от страховой компании. А вот семья покойного кабана не получила ничего и некоторым это показалось несправедливым.

#

Кабан упал в пустой общественный бассейн и не смог самостоятельно выбраться. Бедолагу выручали специально обученные люди, одного из которых спасенный благодарно покусал.

#

Семейство кабанов забралось в частный бассейн во дворе виллы и, визжа от восторга, наслаждалось купанием до вечера. Пожарники отказались помочь владельцам имения, мотивируя это отсутствием необходимых навыков. Примерно также отмазалась и полиция. В ветеринарной службе безапелляционно сообщили, что кабанями не занимаются, поскольку те не являются домашними животными. В обществе охраны природы тоже не смогли помочь, но строго предостерегли от попыток нанести какой-либо вред кабанам. Это, по их мнению, было бы нарушением закона. Кабанам, однако, не возбранялось наносить вред людям.

Последний случай имел далеко идущие последствия. Когда юридический советник мэрии поднял соответствующие законы и подзаконные акты, нарисовалась неприглядная картина. В нашей местности еще с турецких времен существует масса бессмысленных законов. Отмена их требует титанических юридических усилий и поэтому де-юре они действуют до сих пор. К примеру, если вы собираетесь привести медведя на пляж, то я бы настоятельно не советовала вам это делать. Согласно какому-то замшелому, но все еще действующему юридическому акту времен Блистательной Пор-

ты, такое действие карается у нас тюремным заключением и серьезным штрафом. Но вернемся к кабанам. Оказалось что незаконным будет не только суровый отстрел кабанов, но даже и осторожная попытка их насильственного выселения. Так как средой их обитания стали улицы и парки нашего города, мы оказались в юридическом тупике. А ситуация продолжала ухудшаться. В нашем некогда спокойном Городе стало опасно по ночам выходить на улицу. Теперь это рисковали делать только бывшие бойцы спецназа и бесстрашные пенсионерки. Детей начали запираť дома. Разгневанные жители атаковали мэрию жалобами, грозились переизбрать всех и вся и, похоже, это не было пустой угрозой. Руководители городских служб лишь профессионально разводили руками, а наш городской голова глотал одну таблетку от головной боли за другой и беспокойно ерзал в кресле, которое уже ощутимо качалось под ним. Вот тут-то и вспомнили про меня.

Надо отметить, что на мою должность не выбирают – на нее назначают. И назначает на нее отнюдь не мэр и не кто-либо из его многочисленных заместителей. Назначили меня на эту должность еще тогда, когда в мэрии никто и не подозревал о моем существовании, а сама я даже не достигла совершеннолетия. Произошло это вот как...

Объективно говоря, было это всего лет десять или немного больше тому назад, а теперь кажется – минувла целая вечность. Действительно, много чего произошло за эти несколь-

ко лет: служба в армии, мой первый мужчина, путешествие по Центральной Америке, поступление в университет. А тогда я еще была нецелованной (почти) девчонкой-подростком, восторженной и романтически настроенной. Впрочем, я и сейчас такая, хоть и слегка умудренная. В то лето мы завалились всей нашей школьной компанией в лес на вершине Горы, чтобы отпраздновать окончание учебного года в предвкушении двух месяцев свободы. Нет, все было вполне прилично. Как мальчики так и девочки, все мы были из хороших семей и до оргии нам было как человечеству до всеобщего благоденствия. Но все же, кроме жареных на костре сосисок, мы позволили себе некоторую толику пива, причем для некоторых из нас это было первое знакомство с алкоголем. Меня с непривычки развезло, и я поплелась в сторону от костра подышать свежим воздухом. Вслед за мной поплелся и... Но лучше обойдемся без имен. Юноша намекал на нечто романтическое, но мне было не до вздохов под луной, и я отделалась от него, боюсь что немного грубовато. Теперь я осталась совсем одна и свежий воздух быстро устранил последствия выпитого. Я огляделась. Полная луна светила как фонарь в парке и мне не было страшно. Не было мне и одиноко и уж совсем не хотелось возвращаться к треску костра и шуму голосов. Вместо этого хотелось мне стоять здесь в одиночестве и пить эту прекрасную ночь как вино. Слева и справа от меня виднелись подсвеченные лунным светом низкие сосны, все как одна покосившиеся в одну и ту

же сторону в соответствии с розой ветров. Сзади меня подмигивал костер и слышались приглушенные голоса, а перед мной каменистый обрыв падал в глубокий овраг уходящий на запад, к морю. Зимой по его дну течет веселый ручей, обкатывая темные, скользкие камни, а сейчас там уже должно быть сухо и круглые камни посерели. Ничего этого я не видела в неясном лунном свете, но все это было там, в темноте и в моем воображении. Призывно и протяжно заплакал шакал, ему подпел другой, потом – третий. Хор шакалов при полной луне... Вы когда-нибудь слышали такое? Только ничего не понимающие невежды будут говорить о заунывном вое... Нет, это было прекрасно! И вдруг... Если у вас в жизни никогда не было такого "вдруг", то мне вас жаль. Значит у вас никогда не замирало сердце и не ёкало в груди. А теперь попробуйте-ка объяснить что-такое "ёкает" тому, кто не испытал это ощущение. Вот то-то же!

Их было трое. Три маленьких фигурки в лунном свете. Потом они меня неоднократно убеждали, что падать в лунном свете – это многовековая традиция. Хоть убейте меня, но не верю я ни в какие традиции. Как по мне, так все много проще: только при полной луне они могут любоваться на то, что находится за пределами их горы. А при свете дня они падать не могут, солнце их слепит. Падают они весьма необычно – вверх. Да, да, именно вверх! Ведь у обитателей Горы отрицательная масса тела. Поэтому и вес у них отрицательный. По крайней мере, именно так они мне потом объяснили, хо-

тя, признаться честно, мне до сих пор не до конца понятно. Нет, физику я сдала очень неплохо, но просто не укладывается в голове как кто-то или что-то может падать не вниз, а вверх. А ведь я видела это своими глазами. Тут, пожалуй, и сам Эйнштейн начал бы тормозить. Ну а я, хоть и очень умная, но все же далеко не Эйнштейн. Поэтому у меня иногда голова идет кругом, причем в буквальном смысле и мне даже начинает казаться, что я сама падаю "вверх". Но тогда я ничего этого еще не знала, а лишь с изумлением уставилась на три небольших тела, стремительно взлетевших вертикально вверх из-под обрыва. Они взлетели и запрыгали вверх-вниз, размахивая конечностями и напоминая воздушные шарик на привязи. Да они и на самом деле были привязаны, хотя тогда мне не удалось рассмотреть державшие их тонкие нити. При этом у меня заложило уши, как от перепада давления в садящемся самолете или при очень громком и близком крике. Это было более чем странно, потому что вокруг стояла почти полная тишина (шакалы уже отпели свое), нарушаемая лишь негромким треском цикад. Уже потом я узнала, что это и был крик – они кричали от восторга. Просто мои уши слышали этот крик, а сама я – нет.

Прошла минута, другая и прыгающие фигурки спустились вниз и исчезли, как и не было их. Но меня не проведешь, в магию я не верю и поэтому заподозрила, что скрылись они под землей. На самом деле они не спустились, а "поднялись" вниз, но тогда я еще этого не знала. Мне, конеч-

но, следовало испугаться, как положено пугаться нормальному человеку при встрече с непонятным. Но я почему-то не испугалась. Наверное, я не совсем нормальная, а хорошо это или плохо – не мне судить. Как бы то ни было, но я пошла к обрыву и осторожно заглянула вниз. Там виднелась пещера, что меня почему-то совсем не удивило. Впрочем, это оказалась даже и не пещера, а совсем небольшое отверстие в стене, в которое, однако, при определенном усилии мог пролезть человек. Такие детали мне удалось узнать, когда я пробралась ко входу в неизведанное по едва заметной тропке, протоптанной, наверное, сернами. Спелеологией я никогда не занималась, по пещерам до этого не лазала и, разумеется, не имела под рукой ни каната, ни фонарика. Ну не дура ли? В общем, когда я от большого ума полезла под землю, у меня не было при себе ничего, кроме пары упаковок мятной жвачки в кармане джинсов. Жвачки должны были по идее скрыть от родителей запах выкуренной недавно на двоих сигаретки. В общем, я недолго думая рванула за своим "Белым Кроликом".

Внутри оказалось здорово, хотя я не увидела поначалу ничего особенного. И, тем не менее, мне было безумно интересно. Почему? Наверное я уже понимала "это ж-ж-ж не просто". Но ко мне поначалу лишь присматривались и ничего тогда еще не показали, а чудеса начались лишь в следующий визит. Вот только пролезая через тесный лаз и осматривая грандиозную пещеру, дальний край которой терялся в

темноте, я почувствовала нечто странное, какое-то необычное ощущение внутри моей собственной головы. На что же это было похоже? Наверное на то, как будто тебе осторожно чешут застывшие в ступоре мозги. Вам когда-нибудь чesали мозги? Нет? Ну тогда я и не буду пытаться это передать. Ощущение было приятное и, помнится, я даже глупо захихикала от удовольствия. Потом я узнала, что они стирают память тем, кто по ошибке забрел в Подземную Страну. Делают они это с хирургической точностью, не трогая ничего лишнего. Для этого на всех входах в Гору сидят Сторожа. Потом мне показали одного из них, потому что без сопровождающего увидеть здоровенную улитку сливающуюся со скалой было практически невозможно. Такой Сторож ставит входящему "зарубку" в мозгу, а потом ему стирают в памяти все, что после "зарубки". И то же самое должно было произойти со мной. Но не произошло. Почему? Оказалось, что для стирания памяти необходимо чтобы человек испугался или, хотя бы, насторожился. Тут не нужен панический, пробирающий до костей страх. Отнюдь! Им достаточно незначительного опасения, легкого страха перед неведомым, боязни. Ничего из этого со мной не произошло, я лишь испытывала необыкновенный восторг. Посудите сами... Мягкий, приятный полумрак вместо абсолютной тьмы. Чистый, чуть ли не вымытый пол пещеры вместо ожидаемого глиняного месива. Необычно прохладный для летнего времени ветерок несет легкие пряные запахи. В общем, мне под землей по-

нравилось. Ну а я, похоже, понравилась им. Вот так я и стала "релейтером", а лемуры – моей "общественностью". Помню как предыдущий "релейтер" пришел ко мне в гости уговаривать меня принять должность. Смешной человек – я была согласна еще в тот момент, когда увидела его в дверях с совершенно ненужным (хотя и вкусным) тортиком и бутылкой хорошего вина. Непонятно мне было только одно: как от такой должности можно отказаться. Он тогда грустно улыбнулся, поднял бокал и сказал:

– Выпьем же за то, чтобы ты никогда не переросла Гору!

Мне было непонятно, как можно "перерасти Гору", но мы выпили по глотку и он долил нам совсем по чуть-чуть и поднял второй тост:

– А теперь, девочка, мы выпьем за то, чтобы однажды ты переросла Гору!

Непонятное стало только непонятней, но я послушно выпила еще один глоток. У того "релейтера" было трое детей и красивая молодая жена. Они готовились к переезду в Канаду и он пришел сдавать дела. С тех пор меня не оставляет тревожная мысль о том, что случится, когда я "перерасту" Гору.

...Из вагона подземки я вылезла на одну остановку не доезжая до верхней станции. Двое или трое случайных пассажиров потянулись к выходу и на короткой платформе не осталось никого, кроме меня. В самом конце платформы уже открылся проход, я быстренько туда скользнула и проход немедленно затянулся. Платформа опустела, но это не уди-

вило никого, не исключая камеры наблюдения. Наш начальник службы безопасности давно позвонил в управление подземки и предупредил их, что баланс прошедших через турникеты не сойдется сегодня на единицу. Был начальник су-хоньким старичком самого незаметного вида, друзей и знакомых у него почти не было и мало кто знал о его боевом прошлом в команде подводных диверсантов. А вот мы с ним были хорошими друзьями, потому что еще во время первой Войны в Заливе он научился не задавать лишних вопросов "релейтерам". Тогдашний мэр по дурости возмутился расходами на креветок и лемурам на какое-то время перестали выдавать то, что им полагалось по древнему договору между Горой и Городом. А потом одному полоумному диктатору захотелось проверить как далеко достают его баллистические ракеты. Самого диктатора благодарные граждане вскоре повесили на главной площади его столицы, но до этого нам пришлось пережить пару непростых недель. Я тогда была совсем сопливой девчонкой, но помню с каким жутким воем зенитные ракеты разгонялись над нашим домом, несясь навстречу баллистическим чудовищам. Многие тогда еще ла-зали на крыши любоваться необычным феерверком, когда вражеские ракеты взрывались на подлете к Городу. Но противоракеты установили на Горе не сразу. Поэтому первые залпы по Городу останавливать было некому. Точнее, неко-му кроме лемурув. Не знаю как, но они поняли, что враже-ские снаряды должны попасть прямо в нефтеперерабатыва-

ющий завод. И, хотя Город не выполнял своих обязательств, они прекрасно понимали что будет с Горой и Городом, если ракеты попадут в цель. Поэтому три ракеты разорвались на пустынном берегу. Четвертая-же ракета попала прямехонько в строящийся торговый центр – гордость тогдашнего мэра. Там она и застряла, пробив перекрытия, но так и не взорвавшись. Я сама видела фотографии этого чудовища, висящего посреди строящегося зала. Намек был очевиден. Тогдашний "релейтер" даже ехидно предлагал так и оставить ракету украшением комплекса, но мэр отказался увековечить свой позор. К тому же в нашей армии, в которой есть специалисты по самым неожиданным дисциплинам, нашелся некий чин, неожиданно осведомленный насчет лемурув. Он показал мэру графики траекторий, чем окончательно его убедил. Как бы то ни было, но с тех пор криветки поступают в Гору бесперебойно. Между прочим, я так и не поняла как они сбили ракеты с курса, хотя мне добросовестно пытались объяснить.

Меня встречал Ася. На самом деле его зовут иначе, но никто из живущих на поверхности не в состоянии произнести лемурийское имя. Поэтому, когда нас познакомили, я назвала его именем одной из моих подруг, у которой были такие-же постоянно удивленные огромные глаза слегка на выкате. Потом я узнала, что Ася – мужчина (не требуйте от меня называть лемурув самцами и самками), но имя уже прижилось.

– Спасибо за рыбу – приветствовал он меня традиционной

фразой.

Я подозреваю, что он цитирует Дугласа Адамса, хотя утверждать не берусь. На самом деле лемурув мы снабжаем вовсе не рыбой, а креветками. Этот обычай уходит своими корнями в доисторические времена, когда Город еще не был городом, а вот Гора уже была, и еще тогда люди и лемуры договорились помогать друг другу. Оказывается, креветки нужны им для продолжения рода. Это вовсе не секрет, ведь лемурам можно задавать любые вопросы и они всегда честно отвечают. Вот только не всегда их ответы удается понять. Посудите сами, что произойдет, если тебе прямо в голову помещают некие сведения. Ну а сведения эти содержат такие понятия, для которых у тебя, да и ни у кого другого, еще нет слов. Боюсь, что такие сведения будут бесполезны. Но приходится терпеть, потому что другого способа общения мы пока не придумали. Вот и приходится ограничиваться той информацией, которая хорошо ложится на уже известные тебе понятия. Надо бы научиться невербальному пониманию, но пока что у меня получается не слишком хорошо. Как бы то ни было, но тема креветок звучала в моих мозгах особенно туманно. Поэтому в последнее время я начала подозревать, что продолжение рода тут не причем, а лемуры элементарно подсели на савиче.

Кстати, между собой они общаются нормальной звуковой речью. Впрочем, назвать ее нормальной было бы неправильно, ведь человек просто не в состоянии издавать такие звуки,

а человеческое ухо не в состоянии их воспринять. Не говоря уже о психике. Я неоднократно пыталась произнести на их языке хотя бы одно только слово "привет", но тщетно. Ну, посудите сами. Представьте себе для начала симфонический оркестр, играющий нечто бравурное. Потом добавьте к этим звукам грохот работающего танкового дизеля с разболтанными цилиндрами (мне доводилось слышать такое в армии). Но и это еще не все. Теперь на этом фоне озвучте разговор пяти-шести бабулек на лавочке, смешанный с воем трех-четырёх шакалов и грохотом копера, забивающего сваи. Смешав все это воедино, воспроизведите на удвоенной скорости при низкой громкости. Сделали? Теперь у вас есть отдаленное представление о том, как разговаривают лемуры.

В общем, я так и не поняла как именно креветки помогают процессу зачатия у лемулов. Понятно лишь одно: доступа к морю у них нет и поэтому мы им нужны. Они нам тоже необходимы, ведь именно лемуры защищают наш город от катаклизмов, как природных, так и рукотворных. Как бы то ни было, но странный симбиоз Города и Горы длится уже веками.

После первого знакомства с обитателями Горы, я немедленно полезла в Сеть. На экран моего ноутбука тут-же выскочили многочисленные фотографии смешных и милых зверьков с серой шерсткой, выпученными глазами и змейками полосатых хвостов. Как-то раз Ася, после некоторого колебания, признался что между жителями Горы и обитателя-

ми Мадагаскара действительно есть некое родство, подобное схожести людей и приматов. Лемуры похожи на лемуров, хоть это и звучит как тавтология. Но есть и отличия. Лемуры Горы крупнее своих мадагаскарских братьев меньших, с большими головами (надо же куда-то девать мозги) и более короткими, но столь же полосатыми хвостами. А еще у них веки расположены по бокам глаз, а не сверху и снизу, как у всех остальных на планете. Поэтому очень интересно смотреть на то, как они закрывают глаза – как будто задергивают шторы на окнах. Ну и, разумеется, отрицательная масса тела. Но об этом я уже вроде упоминала. Или нет? Из-за этой самой массы они и не могут покидать Подземную Страну. Однако лемуры любят опасную забаву – падение вверх, некое подобие нашего банджи-джампинга. Только нас подстерегает опасность разбиться, а их – улететь в верхние слои атмосферы или даже в космос. Ужас-то какой! Хорошо хоть что их нити, хоть и безумно тонкие, но никогда не рвутся.

При более глубоком погружении в Сеть я вышла на откровения мадам Блаватской, труды теософов и сведения о загадочной Лемурии. Ну что вам сказать? Обитатели горы вовсе не похожи на аборигенов легендарного материка: отнюдь не трех метров росту, вовсе не такие всеблагое, да и на людей совсем не похожи (сравнение Аси с моей подругой – не в счет). И все-таки какая-то смутная связь прослеживается. Ответы Аси на заданные мной вопросы на эту тему характерны особенной неопределенностью. Жители Лемурии

вроде бы отличались долголетием. Наши лемуры тоже живут веками, если не тысячелетиями. Может быть они даже бессмертны. К примеру, мой Ася утверждает, что был свидетелем того, как мамлюки Бейбарса пришли к Горе и разграбили рыбацкий поселок, который еще не был Городом. В тот год лемуры не получили своих креветок: их было просто некому ловить. Ну а некоторые из лемуриков помнят и более ранние времена. Дело в том, что креветки им приносят к небезызвестной пещере Ильи Пророка на северном склоне Горы. Однажды я упомянула в разговоре библейский диспут между Ильей и его языческими оппонентами. Как известно, там не обошлось без магии и пиротехники, а из ехидных замечаний лемуриков я поняла, что не обошлось и без них. Стало сразу понятно, кто именно снабжал их креветками в те далекие времена.

Сами себя они называют "кармелитами". Неудивительно, ведь и сама Гора называется "Кармель". Правда, существуют еще монахи ордена кармелитов и монашенки-кармелитки. И те и другие построили по монастырю на Горе и тешат себя тем, что именно они придумали этот термин. На самом деле это плагиат и кое-кто в обоих монастырях прекрасно это знает. Дело в том, что под этими зданиями расположены обширные и не до конца исследованные катакомбы. В них скрывались еще ранние христиане от римлян, а потом и монахи от турок. Ну а про то что эти катакомбы соединяются с Подземной Страной знают всего несколько человек. Один

из них – "релейтер" нашей мэрии, то есть – я.

На входе в Церемониальный Зал мне отсалютовали своими мушкетами два гвардейца, стоящие здесь еще с наполеоновских времен. Когда Буонапарте прогнал турок из наших мест, он первым делом подтвердил привилегии лемуров и погасил задолженность Города по креветкам перед Горой. Это вызвало симпатии обитателей Горы и было нелишним, так как вороватость и необязательность турецкого губернатора давно уже их раздражали. Потом французы ушли дальше осаждать Северную крепость, но креветки продолжали исправно поступать. Крепость Наполеон так и не взял, хотя шуму и грохоту там было немало. Были и раненые. Поначалу их положили в монастыре на вершине горы. Но французская армия уже не отступала обратно в Египет, а бежала. Поэтому тяжелораненых решено было оставить, хотя существовало опасение что турки будут мучить пленников. На самом деле турки вовсе не собирались никого мучить. Они лишь хотели по турецкому народному обычаю содрать с живых французов кожу в знак преклонения перед их доблестью. Многие раненые не хотели, чтобы перед их доблестью преклонялись так brutally и попросили оставить им яд. Так они и вошли в анналы истории как выбравшие легкую смерть вместо мучительных почестей. На самом же деле, их всех забрали в Гору, где они и живут до сих пор. Мне и самой неоднократно приходилось видеть французских гренадеров, стоящих под землей в почетном карауле.

Церемониальный Зал невелик и совсем невысок. Разумеется, ведь иначе мы не смогли бы общаться. Попробуй-ка поговори с тем, кто висит вниз головой в десятках метров над твоей головой. Для приема людей в Церемониальном Зале построена специальная конструкция, выглядящая как две устремленные друг навстречу другу лестницы из каменных ступенек. Несмотря на название, церемониями здесь и не пахнет. Лемуры вообще народ открытый, веселый и добродушный. По крайней мере мне с ними легко. Вот и сейчас, с потолка навстречу мне поднялись вниз двое лемуров. Это были хорошо знакомые мне Вася и Маса. Не удивляйтесь! Пообщайтесь с лемурами пару лет и вы тоже научитесь их различать. Правда я так и не запомнила, кто из них женщина, а кто – мужчина. Маса выглядел постарше. и шерсть у него была более темная, чем у Васи. Вася был, пожалуй, покрупнее и имел совершенно выпученные глаза и более светлую шерстку. Сопровождающий меня Ася попытался сделать вид, что он человек и вскарабкаться на мою половину лестницы, цепляясь хвостом за ступеньки. Ему это не удалось и он сорвался вверх под всеобщий смех. Между прочим, смеются они почти как люди.

– Ну ладно! – сказал Маса, отсмеявшись – Что там у вас внизу стряслось на этот раз?

Разумеется, ведь для них наша поверхность это "низ". Но Маса явно передергивал. После большого пожара на Горе, мы еще ни разу не обращались к ним за помощью. Да и в

тот раз они мало что смогли сделать. У нас тогда погибли полицейские и пожарники, и поэтому мы не любим вспоминать ту катастрофу. У них обошлось без жертв, но несколькими лемурам пришлось потом залечивать серьезные ожоги. Поэтому они тоже не любят вспоминать тот пожар.

– Пришлись ли вам по вкусу креветки из последней партии? – дипломатично спросила я.

Намек был правильно понят и мы перешли к делу.

– Хотелось бы знать, чем именно вам не нравятся кабаны? – спросил Мася.

Мне лично кабаны не мешали, даже были чем-то симпатичны своей нахрапистостью, здоровым нахальством и веселыми наглыми мордами. Но я отвечала за Город, а Городу они мешали жить, захватывая его жизненное пространство и распугивая обитателей. Так я и объяснила лемурам.

– Понятно – сказал мудрый Мася – Ползучая экспансия. Знакомая до боли картина.

– Экспансия? – переспросила я только чтобы потянуть время.

При этом я сделала круглые глупые глаза, но обмануть лемурам мне не удалось.

– Да ты и сама все понимаешь – отмахнулся Вася – Экспансия бывает силовой, а бывает и ползучей.

Это-то я как раз понимала. При силовом сценарии просыпаешься одним не слишком прекрасным утром, а по улице маршируют чужие солдаты, звучит чужая речь и строгие

приказы новой власти развешаны по всем столбам. Под страхом смерти эти приказы запрещают делать то и это, а другое то и другое это требуют исполнять под угрозой расстрела. Мне самой с этим сталкиваться не приходилось, но где-то в глубинах генетической памяти притаились и желтые звезды и колючая проволока.

А вот ползучая экспансия выглядит несколько иначе. Как-то бы годами ничего не происходит, кругом тишь да благодать. А потом вдруг замечаешь, что по соседней улице ходить нельзя, потому что там уже давно обитают свиные рыла. И права этих рыл на ту улицу беззаветно защищает толпа полезных идиотов и хорошо оплачиваемых адвокатов. Потом очень корректные люди, почему-то не живущие в твоём городе, предлагают тебе поискать разумный компромисс. Компромисс, как правило, заключается в том, что ты уедешь в другой город, а за это тебя не будут топтать копытами. Может быть не будут...

– Неужели нельзя как-нибудь договориться? – проблеяла я.

– С кабанами? – удивился Ася из-за моего плеча – Договориться? Даже не все люди этому научились, так что же сказать о кабанах?

– А о лемурах? – съехидничала я.

Я не слишком хорошо разбираюсь в лемурийской физиогномике, но тут мне показалось, что Мася нахмурился.

– Мы, лемуры, идеальные друзья для людей – проворчал

он – Надеюсь, ты догадываешься – почему?

– Потому что вам не подходит то, что снаружи?

– Вот именно! Это-то и есть истинное лекарство от экспансии – не иметь физической возможности захватить чужое.

– А люди?

– Как ты думаешь, девочка, почему мы закрываем входы? – это он явно сказал через силу – Давай-ка лучше вернемся к кабанам, пока ты не разревелась.

Да уж, настроение мне испортили капитально. И, я, пожалуй, уже начала понимать как можно "перерастить Гору". Но реветь я не собиралась и они это знали.

– Расстроилась? – спросил Ася – Хочешь подергать меня за хвост?

Вот ведь зараза! Считается, что они могут читать только те мысли, которые ты им открываешь. Неужели это не так? Или мое интуитивно-подсознательное так и рвется наружу? Ну, да, есть у меня такая розовая мечта, но в моем возрасте пора бы уже научиться сдерживать порывы низменных эмоций. Поэтому я лишь задрала нос в гордом молчании.

– А может хочешь савиче? – продолжал издеваться он.

– Спасибо – проворчала я – У меня нет проблем с размножением.

Пофилософствовав и почти доведя меня до депрессии, лемуры приступили к делу. Разумеется, они знали как избежать город от нашествия кабанов и не отказывались нам по-

мочь.

– Как вы собираетесь это сделать? – задала я неосторожный вопрос.

Ой! Действительно, вроде бы не первый год общаюсь с этим народцем, а до сих пор ляпаю невпопад.

– Вот, кстати, сама и посмотришь – тут же предложил Вася – Ася тебе все покажет. Согласна?

Я поняла, что нарвалась. Но выхода не было и пришлось кивнуть, имитируя энтузиазм.

– Это далеко? – поинтересовалась я.

– На другом конце Горы – ответил Вася – Но мы обеспечим тебя транспортом.

При этом он сделал такую хитрую мордочку, что я, немного зная лемуrow, сразу насторожилась.

– Ты любишь летать на летучих мышках? – спросил Маса.

Я вздрогнула. Люблю ли я что? Для меня летучие мыши всегда ассоциировались с запахом застарелого помета. Именно так пахнут те пещеры в которых во множестве обитают рукокрылые. Поэтому последнее о чем я мечтала был полет на такой вонючке. Но о чем это он? Ведь мыши маленькие, а я большая! И тут, громко хлопая крыльями, появилась мышь. Нет, не так! ...Появилась Мышь! Вы не поверите, но то было настоящее чудовище, достойное самого Дракулы. Представьте себе летучую мышь размером с большую собаку и соответствующими перепончатыми крыльями. Представили? А теперь представьте себе мои чувства. Впер-

вые в Подземной Стране я почувствовало нечто похожее на страх и невольно сделала шаг назад вниз по своей лестнице. Мышь захлопала крыльями и подлетела к лестнице, подставив спину и повернув ко мне здоровенную башку. Мася и Вася испытующе смотрели на меня, задрав головы. И тут Мышь открыла пасть... Вы не поверите, но весь мой страх как рукой сняло. Да, были там и острые треугольные зубы размером с небольшой кухонный нож и красный длинный язык и чего там только не было. Но все это было неважно, совершенно неважно. А важно было то, что Мышь улыбалась мне. Не долго думая, я запрыгнула на ее шею и ухватилась за острые уши. Мышь, слегка помахивая крыльями, плавно качалась подо мной. И пахла она совсем не так, как воняют пещеры, населенные обычными летучими мышами: от нее исходил легкий запах мускуса и, почему-то, розмарина. А еще явственно запахло креветками потому что кое-кто, и я укоризненно посмотрела на Васю и Масю, налопался савиче.

Вам когда-нибудь приходилось летать на гигантской летучей мыши? Знакомый десантник рассказывал что однажды их машина падала с периодически заедающим двигателем и бойцов бросало по брюху вертолета во все стороны. Не знаю, может он и врал в надежде "подбить ко мне клинья"? А может и не врал, потому что той-же ночью я обнаружила у него на пояснице не до конца зарубцевавшийся шрам и следы множественных гематом на спине и ребрах. Нечто подобное я и предполагала испытать во время этого полета. Мыши,

даже самые летучие, вовсе не птицы и хвоста у них нет. Поэтому нас предсказуемо болтало из стороны в сторону "как дерьмо в проруби" по образному выражению моего деда. Вот только страшно мне почему-то не было и совсем не мутило. Наоборот, сидя на короткой шее и держась за мохнатые уши как за поводья, я испытывала неопиcуемый восторг. Наверное этому способствовало то, что Мышь болтало вовсе не хаотически. Более того, мне казалось что мы описываем в густом подземном воздухе некую заранее спланированную и очень плавную спираль. И это было прекрасно. А может быть я все же ненормальная, как и полагается "релайтеру"? Ася летел рядом на таком-же летуне, но поменьше, вцепившись маленькими лапками в густую шерсть и весело подмигивая мне. Судя по волне его эмоций, он тоже наслаждался полетом. Только тут я заметила, что его Мышь летит перевернувшись. Наверное, этот экземпляр имел отрицательную массу.

Так мы летели на восток минут двадцать-тридцать и вот потолок начал постепенно снижаться намекая на край Горы. Наконец летуны высадили нас около небольшого лаза. Мне открыли проход и я выбралась наружу, а мой сопровождающий остался у входа, сев на потолок и осторожно выглядывая через верх лаза. Судя по всему, мы были на восточном краю Горы. Я прекрасно знала, что внизу проходит старое шоссе проложенное по неглубокому оврагу – древнему караванному пути, одному из трех, соединявших когда-то земли Селевкидов с царством Птолемеев. На невысоких хол-

мах за старым шоссе веселые черепичные крыши прорезают зелень кипарисов – это живет своей спальной жизнью небольшой поселок, придаток Города, прибежище инженеров-программистов и средней руки чиновников. Новое шоссе тоже было где-то здесь, подо мной, в широком трехполосном тоннеле. На ближайшем холме напротив я ожидала увидеть освещенные фонарями улицы, разноцветные светофоры на перекрестке, рекламные щиты на въезде в торговый центр и подсвеченные прожекторами развалины старинной крепости. Ничего этого там было. Не было ни фонарей, ни рекламы, ни светофоров. Крепость, тем не менее, была на месте и она действительно была подсвечена. Однако вместо молочных, ровных лучей прожектора ее освещало колеблющееся пламя факелов. Но самым удивительным было то, что вместо развалин на холме стояли мрачные, высокие стены из огромных серых блоков. Наверное это были кирпичи из необожженной глины пополам с соломой – примитивный строительный материал античных времен.

Ниже меня по склону горел костерок и сидели люди. Лиц не было видно, лишь темные фигуры вокруг огня. К ним, тяжело поднимаясь вверх по склону, приближался человек, несущий горящий факел в вытянутой руке. Сидящие у костра закричали, явно задавая ему вопрос. Однако их язык был мне незнаком, я лишь разобрала слово "иссе". Пришедший осветил себя факелом и я вздрогнула. Это был воин. Не солдат, а именно воин. Грубое лицо со шрамом через ле-

вый глаз. Темные длинные волосы, забранные налобным обручем. Кожаный передник с металлическими бляхами поверх белой туники, скрепленной на плечах тускло блестящими фибулами. За широкий пояс заткнут короткий меч без ножен со слегка закругленным, срезанным наискось лезвием. Другого оружия не видно. Голени ног переплетены ремешками от сандалий, как принято у наших модниц. Вот только ноги вовсе не женские. Они мужские, привычные к длительным переходам, с огрубевшими рубцами рельефных мышц. И как я все это разглядела в неверном свете факела? "*Восе му неро!*" – сказал человек с факелом просящим тоном. И тут я с удивлением осознала, что, хотя и с трудом, понимаю эту фразу. Воин просил воды и делал это по-гречески... Как-то раз мы с родителями прожили две недели на острове Милос, родине безрукой Венеры. Поначалу было интересно, потом – скучно и я повадилась ходить в город чтобы просто-напросто потолкаться среди людей. Там-то я и заучила несколько простых фраз на местном языке... Я осмотрелась. Такие же костры горели как по всему нашему склону, так и по противоположному, у подножья крепости. Там должна была быть маленькая промышленная зона с заводами, фабриками, ремонтными мастерскими, складами и оптовыми магазинами. Но ничего этого там не было, а виднелись там тысячи костров многотысячного войска. Кто эти люди? Неужели у нас снимают исторический сериал о походах Александра Македонского или о Маккавейский войнах?

Не будь я "релейтером", я бы именно так и подумала. Но сейчас я подумала иное. Совершенно иное. Мне было интересно, безумно интересно. Мне было настолько интересно, что я сделала шаг вперед, потом второй. На третьем шаге я споткнулась о камень и он весело покатился вниз, прямо к костру.

Люди вокруг костра немедленно повскакивали, привычно хватая оружие и мне сразу стало неудобно. Интересно, как здесь поступают с юными (относительно) дамами, найденными ночью на склоне горы? Я подозревала, что меня запросто могут продать в рабство. И это еще в лучшем случае. Тут как раз, как чертики из коробочки, появились воины. Признаюсь вам честно, таких бандитских рож мне не приходилось видеть даже в притонах Боготы. Почти каждый из них мог похвастаться боевыми шрамами на лице, а их шевелюры способны были привести в ужас даже уличного парикмахера из Варанаси. Впрочем, двое были совершенно лысыми. Правда все они были невысокими, даже мелкими, не выше меня ростом. Но это мало успокаивало. Мой знакомый со шрамом через глаз тоже был здесь и смотрел он на меня как-то уж очень плотно. Пауза затянулась, начинала становиться гнетущей, а на протокольных харях эллинов начали появляться очень не нравящиеся мне ухмылки. Посудите сами: ночь, чужая страна и дамочка в футболке с надписью "El Nido. Palawan", в коротких, по летнему времени, шортах, с голыми ногами и в кроссовках на босу ногу. Я все еще

пыжилась сохранять важный и независимый вид, но снизу живота начал подниматься неприятный холодок, напоминающий панический страх. И вот тут у меня за спиной послышался отчетливо слышимый шум крыльев. Вояки, насторожившись, сделали шаг назад. И не зря. Еще через мгновение рядом со мной бесшумно приземлилась Мышь и вопросительно уставилась на меня. А я не придумала ничего лучшего как почесать ей за ухом. Тогда моя верная Мышь открыла пасть, показала дракуловские клыки и медленно повела головой слева-направо, сканируя публику. "Ну что, ребята, с кого начнем?" – ясно читалось на ее морде. Еще с полминуты зрители стояли с открытыми ртами, потом дружно преклонили колени и опустили головы долу.

– *Артеми́с, Артеми́с!* – пронесся негромкий шепот.

Один из воинов подполз и осторожно положил к моим ногам неизвестно откуда взявшуюся ветвь винограда. Еще через пару секунд передо мной лежали: оливковая ветвь, симпатичный медальон с плохо причесанной женской головкой на нем (наверное – Горгоной) и небольшой изящной формы сосуд из которого пахло цветами. При этом они тщательно прятали глаза.

Вот это был совсем другой разговор. Какой же женщине не понравится, когда перед ней преклоняются, преподносят дары и называют богиней? Впрочем, однажды у меня уже такое было: и преклонялись, и преподносили, и называли. А вот кончилось все не так хорошо, и поэтому я не люблю вспо-

минать тот эпизод. Я откусила сочную ягоду и, подняв кувшинчик, засунула его в карман шортов. Явственно прозвучали вздохи облегчения. Вдруг раздались крики:

– *Василеос! Василеос Александрос!*

Это слово я тоже знала. Подумать только, кто к нам пожаловал! Ну, и где тут ваш царь? Воины торопливо расступились, давая дорогу будущему повелителю Азии. Резким жестом он отослал их прочь, явно желая пообщаться с богиней тет-а-тет. Тоже мне, любимец богов. Впрочем, судя по его уверенному поведению, у него уже был опыт общения с бессмертными. Воины послушно исчезли в темноте.

Признаюсь, Александр Филиппович выглядел совсем неплохо. Правда, на Колина Фаррелла он был совсем не похож, но все же красив, моего роста и молод. Жаль только, что не в моем вкусе. А еще меня насторожили жесткие складки вокруг его рта и холодные глаза. Колено он преклонил, но глаза не прятал, и поэтому я решила не называть его Сашкой. Одет он был также как и одноглазый воин: налобная повязка, туника, фибулы, кожаный передник с бляхами и сандалии. Только меч у него был подлиннее и в прямых ножнах. Вот она, античная простота – сразу и не скажешь, что царь. Здрав подбородок, я надменно процедила сквозь зубы:

– *Хейрете, василеос Александрос!*

Этой фразой я исчерпала большую часть своего словарного запаса. К тому же, у меня явно были проблемы с произношением, потому что в глазах царя появилось недоумение.

– Ну что уставился, ваше величество? – поинтересовалась я на своем языке – Перейдем-ка лучше к делу. Какие будут просьбы?

Мышь наклонила голову и зевнула. Теперь он смотрел на меня уверенней. Наверное, богиня, говорящая на непонятном языке, смотрелась много логичнее богини, коверкающей знакомые слова. Александр заговорил и говорил он долго. Слов я, естественно, не поняла, но некоторые его жесты были достаточно красноречивы. Например, он несколько раз обвел правой рукой (кажется, она называется десницей) вокруг себя, широким жестом сеятеля показывая на свою армию. У Филиппыча явно были проблемы. Но какие именно? Этого я так и не узнала, да не очень-то и хотелось вникать в царские заморочки. Сказать по-правде, мне уже давно пора было уходить не дожидаясь скандала. Ведь в любую минуту мог появиться какой-нибудь мой коллега, например Аполлон с кифарой, и разоблачить меня.

– *Кала. Абио!* – заявила я, еще раз вызвав недоумение в царственных глазах.

Повелительным жестом я показала, что аудиенция закончена, и гордо удалилась, прикрываемая с тыла верной Мышью. И только после того как Ася закрыл проход, я вспомнила что у меня в заднем кармане был смартфон. Но было уже поздно, и я осталась без селфи с Александром Македонским.

– Ну как? – сказал Ася, закрыв лаз – Подходит это место и эта эпоха для ваших кабанов?

На языке у меня вертелось сразу одиннадцать вопросов и все одиннадцать я готова была задать одновременно. Но с лемурами так нельзя.

– Не знаю – я постаралась придать голосу толику неуверенности – Не слишком ли это сложно? Переместить стадо кабанов на два с половиной тысячелетия назад. Получается, что их всех уже давно съели гоплиты Александра. Не возникнет ли тут какой-нибудь парадокс?

– С какой стати? – удивился Ася.

– Ну ведь... – сейчас неуверенность далась мне легко – Все это уже давно случилось.

– А ты еще раз выгляни – посоветовал он – Потом подойди к костру, вежливо поздоровайся и расскажи им, что все они умерли столетия назад. Надеюсь, ты успеешь вовремя убежать.

Умеют же они быть ехидными. Почти как кое-кто из моих знакомых.

– Я не говорю на койне – проворчала я – К тому же я богиня, а не археолог!

Наши мышки где-то загуляли, и Ася предложил пройтись пешком, благо низкий потолок позволял это делать. Вися в полуметре надо мной, Ася втолковывал мне то, что сам он считал элементарными истинами. Оказывается, объяснял он, все времена существуют одновременно: и настоящее и прошлое и будущее. Однако, попасть из одного времени в другое не так-то просто. Представь себе многоэтажный дом,

говорил он. Ты живешь на двадцать шестом этаже и не будешь лифта и лестницы, ты так бы и осталась там жить, хоть и зная про остальные этажи из книжек и фильмов, но не имея возможности там побывать. Интересно, откуда лемуры так много знают про высотные дома? Не отвлекайся, потребовал он. Каждый этаж так и жил бы своей этажной жизнью, если бы не лестницы и лифты, которые их соединяют. Вот так и время. Мы живем в своем времени и думаем, что остальные времена для нас недоступны. А на самом деле существует лифт, соединяющий все времена и он называется – Гора. Оказывается есть здесь лазы, открывающиеся и в прошлое и в будущее. Вот здорово, подумала я: надо только найти выход в то время, где я стала бабушкой и полюбоваться на своих внуков. Ася засмеялся,

– А что, если ты там попала под машину год назад? – спросил он – Или давно живешь на Марсе вместе со своими внуками?

Отверстия в будущее, пояснил он, не открываются людям.

– Лемурам они конечно открываются? – съехидничала я.

– Нам они открываются – согласился он – Ведь мы живем поперек времени.

Не могу сказать, что мне сразу все стало понятно. Вовсе нет. И все же где-то там внутри, на уровне не то подсознания, не то интуиции, я поняла, что лемуры вовсе не бессмертны и даже не долговечны. Просто они живут поперек времени. Поэтому такие наши понятия как возраст, молодость и ста-

рость к ним неприменимы. Или, по крайней мере, применимы, но вовсе не так как к нам, живущим "вдоль". Но тут, оглушительно хлопая крыльями, появилась Мышь и прервала мои размышления...

Вот так Город избавился от кабанов. Мы нашли для них другое место и другую эпоху и отправили их туда. Я сама видела, как кабаны шли, наклонив рыла к полу пещеры, шли вдоль невидимой дорожки, выложенной для них лемурами. Уж не знаю, чем там пахло и был ли это запах, но хрюшки шли бордо, весело, как будто направлялись на неведомый кабаный курорт. Уже позднее я вычитала в Сети, что поход греческой армии на Египет чуть было не сорвался из-за нехватки провианта. Но тут, если верить хронике, к Александру явилась сама богиня охоты Артемида и предложила поохотиться на кабанов. Неизвестно откуда взявшиеся в огромном количестве хрюшки, несомненно были даром богов их любимцу. Вскоре греки запаслись копченым салом, и Египет был благополучно завоеван. Про эту свою находку я никому не рассказывала, честное слово! Тогда интересно, почему Ася дразнит меня Артемидой? А еще мне немного совестно от того, что наших кабанов съели эллины, македонцы и фракийцы, над которыми не довлеет Общество Защиты Животных. Но может быть, убеждаю я себя, именно в этом кабаны и видели свое высшее предназначение. Как бы то ни было, Город вздохнул спокойно и стал ждать следующего катаклизма.

Кувшинчик, преподнесенный мне богобоязненными вои-

нами, я держу дома на полке. Один мой знакомый с кафедры археологии, зачистивший последнее время в гости, уверен что это подделка, уж слишком новым он выглядит. Тем не менее, каждый раз увидев кувшинчик, он вздрагивает так, как будто встретил привидение, и подозрительно на меня по-сматривает. Наверное именно поэтому он до сих пор не перешел к активным действиям. Кувшинчик содержит какое-то благовоние на основе оливкового масла, и однажды, после того как меня серьезно покусали комары, я им намазалась. Зуд содержимое кувшинчика сняло, но выйдя после этого на улицу я ужаснулась. Все встречные мужеского пола, в возрасте от двенадцати до семидесяти лет, тут-же делали на меня стойку и еще долго провожали глазами. Больше я таких экспериментов не повторяла – жду подходящего момента.

А еще мне иногда приходит в голову мысль, не считают ли лемуры наше время идеальным, к примеру, для медведей, которых надо увести из какого-нибудь другого города и другого века? Ну что ж, будем ждать медведей...

Кассандра

Анахренизмы¹ из античной жизни

¹ Анахренизм (греч.) – вид анахронизма (см.), который нахрен никому не нужен.

Часть первая. Нищий

Я нищий... Только не подумайте, Зевса ради, что это профессия или призвание. Профессии у меня нет как таковой, но в нашей богоспасаемой Трое, с ее высоким уровнем жизни, достигнутом благодаря стараниями нашего царя-экономиста Приама, можно прекрасно заработать и не имея профессии. Вопрос только в том, на что потратить заработанное. Одни тратят свои драхмы и оболы на недвижимость в престижных районах, другие вкладывают заработанное в торговлю или просто несут в банк на Агоре. У меня же денежки текут сквозь пальцы, обильно орошая собой прибрежные трактиры и бордели. Поэтому на мне рваный хитон и давно вышедшие из моды сандалии с неоднократно подвязанными ремешками. Кстати, давно пора украсть новые.

По призванию же я поэт. Это тоже могло бы стать профессией, и, кстати, некоторые так и поступают. Они либо творят на заказ, либо пишут свои бессмертные произведения впрок, в расчете на конъюнктуру. Я может и не отказался бы пойти тем же путем, но, увы, не дано. По какой-то мерзопакостной прихоти Муз я могу творить только тогда, когда вижу нечто достойное воспевания. Вот тогда я становлюсь не властен над собой и рифмы в моей голове рождаются сами собой без моего участия. Поэтому в профсоюз поэтов мне дорога закрыта.

Так что я нищий (но отнюдь не нищий духом) по образу жизни. Впрочем, мой образ жизни меня обычно устраивает. Вот только сегодня меня терзают некоторые сомнения, особенно учитывая то как раскалывается голова. Возможно, мне не следует так много пить, или хотя бы стоило поучиться у греков разбавлять. Впрочем, судя по вчерашним подвигам ахейцев в порту, разбавление – тоже не панацея. Обуреваемый этими, а также многими другими, грустными мыслями, я сидел на краю рынка и старался поймать дуновение утреннего бриза, чтобы облегчить свои страдания. День был выходной (странное нововведение царя Приама) и рынок пустовал. Только одна девица в необычной одежде нервно ходила взад-вперед, посматривая на море и действуя мне на нервы. Я брюзгливо попросил ее не маячить и она послушно присела на ступеньку приморской лестницы рядом со мной. Девица внимательно смотрела куда-то в море и даже подскакивала, чтобы лучше видеть. Странно, что там может быть такого интересного, подумал я и не только подумал, но и спросил ее об этом.

– Смотри какой красивый корабль! – сказала она – И парус такой смешной. Никогда не видела парусов такого цвета!

Так вот оно что, подумал я, наверное она не местная. Пришлось просветить чужестранку и объяснить ей, что никто еще во всей Ойкумене не видывал таких парусов.

– Видишь ли – добавил я со знанием дела – Парис уверен что алые паруса не смогут ни одну женщину оставить равно-

душной. Говорят, он это не сам придумал – Афродита подсказала.

– Так это корабль Париса? – удивилась она.

Пришлось признаться, что это действительно так.

– И куда же это его понесло? – недоумевала девица.

Тут она повернулась ко мне и ее мордашка показалась мне смутно знакомой. Похоже, что она все же троянка. Тем более странно. И я сказал ей по-простому, по-скифски:

– Ты что с оливы упала? Вроде бы местная, а не знаешь того, что в Трое каждой собаке известно.

Она заметно смутилась, а отсмущавшись призналась:

– Я полгода была за границей. Меня царица посылала за благовониями... в Египет.

Перед словом "Египет" она слегка запнулась, из чего я заключил, что побывала она не только в Египте и, возможно, не только за благовониями. Отсюда, наверное, и странная одежда. Про себя я назвал ее "Контрабандисткой", но озвучить свое мнение поостерегся – береженого Зевс бережет. А может быть это и на самом деле был Египет с его благовониями. Уж где она точно не была, так это в Скифии. Так этого добра тоже хватает, вот только без приставки "благо..." Девица же, если и не была Контрабандисткой, то была, по всей видимости, Служанкой, которой доверяли деликатные поручения. Все это я подумал про себя, а вслух сказал:

– Так вот почему ты так отстала от жизни. Придется тебя просветить.

– Уж будь так добр – попросила она.

– Так знай – изрек я – Под этим алым парусом наш доблестный Парис направляет свои стопы, а точнее – нос своего корабля – в Спарту. И как ты думаешь, зачем? – тут я сделал драматическую паузу.

– Зачем? – послушно спросила Служанка.

– Чтобы украсть прекрасную спартанку Елену, жену Менелая – торжественно изрек я, надеясь ее удивить и, похоже, удивил.

– И ты так просто об этом говоришь? – сказала она, широко раскрыв глаза от удивления.

Ну что, по вашему я должен был ей объяснить? Как я уже сказал у нас в Трое об этом каждая собака знает. И эта каждая собака, соответственно, одобряет. Ведь это дело скорее политическое, чем амурное. Тут у нас никто эту Елену не видел и неизвестно еще, насколько она прекрасная. А вот наставить рога ахейцам не откажется ни один истинный троянец. Примерно так я и объяснил Парисову аферу Служанке.

– Так-таки все одобряют? – удивилась (а может и восхитилась) она.

– Почти все – уверил ее я и рассказал как торжественно провожали Париса.

Всем городом провожали, уверял я почти не погрешив против истины, с фейерверком провожали, с плясками и двухдневным запоем. Гектор и Приам упились прямо как скифы какие-нибудь, не разбавляя. В общем, отметили по

высшему разряду. Как будто Парис отправился открывать какую-нибудь Австралию, а не в поисках небольшого адюльтера.

– Ты кажется сказал ‘почти все’? – переспросила она.

Ну и зануда! Впрочем, есть тут одна принцесса. Нет, она действительно дочь царя – Кассандра Приамида, или, если по-скифски, Приамовна. Так вот эта Кассандра в форменную истерику впала и заговорила ну прямо на скифский лад. Не ходи, говорит, Парис в Спарту, будет нам всем, говорит, беда неминуемая, да смерть лютая. А потом возьми да и ляг прямо поперек той красной дорожки что к Парисовой яхте постелили. Да еще и упирается. Еле-еле ее Парисовы хлопцы оттащили. Непонятно, чего ее вдруг так прободало. Говорят, правда, что она возомнила себя пророчицей, но это у нее наверное гормоны зашкаливают. Поговаривают, что она в свои пятнадцать лет до сих пор девственница. Именно так я все и изложил Служанке.

– Ничего-то ты не знаешь – возмутилась она – Тут очень непростая история...

Признаться, я люблю непростые истории, но чтобы узнать эту байку мне пришлось потратить некоторые усилия. Вначале она ни в какую не соглашалась говорить, мотивируя это тем, что я по слухам поэт, а поэты "они все такие". Какие именно "такие" она не объяснила и мне пришлось ей доказывать, что поэт в наше время это более профессия, чем призвание. А по профессии я нищий и неважно, кто я там по

призванию. На самом деле, как вы знаете, я нищий по образу жизни, а не по профессии, но до таких тонкостей мы, слава Гере, не дошли. В конце концов я ее уломал поклявшись всеми богами, что буду нем, как могила.

Не знаю, насколько эта история сложна (а по мне – так проще некуда), но она несомненно небезынтересна. Вот что мне поведала Служанка:

– Говорят, только сама я не видела – шептала она мне на ухо – Что запал на нее сам Аполлон. И так запал, что готов был на все, чтобы ее ублажить. Вот и одарил он ее даром предвидения...

Так это, значит, не гормоны, сообразил я. А Служанка продолжала свой рассказ:

– ... А дальше, как всегда, что с богами, что с смертными. Она его просто продинамила.

Тут я ее прервал:

– Она его – что?

– Ну не дала она ему – нетерпеливо пояснила она – Наш Аполлон, естественно, разгневался. А дар свой отнять как-то неприлично, а может и не умеет он дары свои забирать. Боги у нас хоть и бессмертные, но не совсем всемогущие. Так этот поганец, что придумал: навел на нее такую порчу, что пророчить то она пророчит, да никто ей не верит.

“Гнев, о богиня, воспой Аполлона, сукина сына!” – то ли подумал, то ли сказал я. А еще мне вдруг вспомнилось, что у скифов говорят: "На бога надейся, но человек сам кузнец

своего счастья." Наверное и это я сказал вслух, потому что за моей спиной женский голос произнес:

– Что это ты все скифов поминаешь?

Пришлось повернуться. Женщину, а точнее – девушку, произнесшую эту фразу, я сразу узнал. Это и была та самая принцесса, которую мы только что обсуждали со Служанкой. Выглядела Кассандра не слишком шикарно: длинноногая, слегка костлявая девица-переросток несколько выросшая из своей туники, да к тому же и рыжая. Вот только глаза... глаза у нее были необычайно усталыми и могли бы принадлежать уже пожившей женщине. Но ее глаза я разглядел значительно позже, ведь у нас не принято поднимать взор на принцесс.

– Возрадуйся, о Кассандра Приамида – пробормотал я смущенно.

– Без церемоний, пожалуйста – попросила принцесса – Также как без церемоний вы обсуждали мою девственность.

– Не гневайтесь, госпожа – пришла мне на помощь Служанка.

– Ладно, проехали.

Похоже, она действительно не сердилась и у меня отлегло от сердца.

– Так что же насчет скифов?

А что насчет скифов, подумал я. Ну сую я их куда надо и куда не надо, признаю. А кого мне еще поминать? Упомянешь евреев, скажут – антисемит. Греков поминать тоже опасно – соседи все же. Арабов вспомнить, опять же в анти-

семиты зачислят. Да и нет еще никаких арабов, не появились они еще и лет этак с тыщу еще не появятся. Примерно так я и объяснил Кассандре. Но ее это не убедило.

– Ну а скифы-то чем провинились? – возмутилась она.

Пришлось объяснить ей, что я и сам скиф. Я даже продекламировал строки одного нашего скифского поэта:

– Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы, С раскосыми и жадными очами!

Ну вот и вешаю теперь на скифов всех собак, пояснил я, мне-то можно как скифу. Совсем как с еврейскими анекдотами. Попробуй-ка расскажи один такой анекдотец кому-нибудь из них – сразу затопчут. А сами-то евреи эти-же анекдоты травят почему зря. И никто их почему-то антисемитами не называет.

Кассандра не возражала против такого объяснения и я уже начал надеяться, что мне удалось отбрехаться, как вдруг Служанка вылезла с вопросом:

– Ваше высочество, можно я что-то спрошу?

– Можно – согласилась Кассандра – Только без “высочества”, прошу тебя.

Следовало бы восхититься ее демократизмом, но я решил с этим повременить.

– Это правда, что у вас видения? – спросила ободренная Служанка.

– Правда, только не видения, а предвидения.

– И что вы предвидите?

– Думаю, вам лучше этого не знать.

Тут я почувствовал, что мне следует вмешаться и поинтересовался причиной такой скрытности.

– Да потому – пояснила Кассандра – Что вы все равно ничего не сможете изменить, а зря вас огорчать я не хочу. Он поэт, а ты – простая служанка. Не обижайтесь, но слишком мало от вас в этом мире зависит.

Тут она явно была не права. Не знаю насчет служанок, но по моему мнению, в этом мире многое, если не все, зависит от поэтов. Но объяснять это пятнадцатилетней принцессе было неразумно. И я сказал скромно:

– Я не поэт, я нищий. Но может и от нас будет толк?

– Расскажите нам, принцесса... – присоединилась ко мне Служанка.

Кассандра долго молчала, потупив голову и я успел, наконец, ее рассмотреть. Зрелище было не из приятных: не должно было у молодой девчонки быть таких морщин на лбу как и не должно было у нее быть таких глаз. Но про глаза я уже, вроде бы, говорил. Не знаю, в чем там было дело: то ли досталось ей в последнее время, то ли она сама приняла на себя такую тяжесть, нести которую было ей невмоготу. Наконец, она заговорила и голос ее был спокоен и ровен, а слова ее было страшно и обжигали как огнем:

– Будет очень плохо. Будет война и смерть. Наша Троя будет сожжена и разрушена, мужчины наши будут убиты или изгнаны, женщины наши будут отданы на поругание похот-

ливым старикам, а дети наши будут обращены в рабство. И все это как результат безрассудного налета нашего Парисика на Спарту.

– И ты? – спросил я, замороженно глядя в ее ужасные глаза.

– ... И я пытаюсь предупредить наших правителей, тех из них, кто может еще что-то сделать. Можно послать скоростную трирему перехватить Парисову яхту. Можно извиниться перед греками, дать им отступного, отдать пару городов. Можно, в конце концов, хоть что-нибудь сделать...

– Но вас не слушают... – замороженно произнесла Служанка.

– ... Но меня не слушают – эхом отозвалась Кассандра.

– А ты не перестаешь пытаться... – сказал я, не силах оторвать взор от ее лица.

– ... А я не перестаю пытаться – повторила она.

Мы сели на пыльные камни и долго смотрели в море: нищий старик, безродная авантюристка и девушка с глазами старухи. Смотреть в море легко: бессмысленный шепот волн успокаивает и можно ни о чем не думать долго. очень долго... бесконечно. Шли минуты, казавшиеся годами и столетиями. Говорить не хотелось... Но вот морской бриз дунул в нас легким вздохом прохлады и мы со Служанкой переглянулись. Наверное нам одновременно пришла в голову одна и та же мысль: что юная принцесса и пророчица делает здесь, на пустынном берегу? Служанка первая прервала молчание:

– Вы ждете кого-то, принцесса?

– А вы никому не расскажете?

– Клянусь всеми богами Олимпа! – вскричала Служанка, я же просто пробурчал – Могила!

Кассандра поколебавшись еще немного, призналась:

– У меня тут встреча со Спартанским Послом. Вот только он опаздывает.

– Что ему от вас надо? – удивилась Служанка.

– Не ему, а мне – заявила принцесса немного смутившись

– Я собираюсь предать Родину!

Ой, да что тут предавать-то, подумал я, но благоразумно промолчал. Служанка, в отличие от меня, была менее сдержана.

– Как это, предать? – удивилась она.

– Сейчас сами услышите – был нетерпеливый ответ – Вот он идет. Прячьтесь – быстро!

Мы успели отойти за угол и удобно там устроиться, прежде чем спартанец приблизился. На спартанца он был похож не более, чем на скифа. В троянском одеянии его можно было бы скорее принять за Приамовского родственника (коих насчитывалось немеренно), чем за пелопоннесского дикаря. Только профессиональное выражение лица, надменно-безучастное и одновременно холодно-доброжелательное, выдавало в нем кадрового дипломата. Но если не видеть его лица, то это был вполне представительный мужчина средних лет.

– Ваше Высочество! – приветствовал он Кассандру.

– Ваше Превосходительство! – ответила она в том же духе.

– Если возможно, давайте сократим официальную часть

– поморщился Посол.

Похоже, ему первому надоел официоз и это говорило в его пользу.

– С радостью – не возражала Кассандра – Позвольте перейти к делу. Известно ли вам об истинной цели похода Париса в Спарту?

Посол снова поморщился:

– Я обязан отвечать? Учтите, принцесса, вы затрагиваете очень скользкую, я бы даже сказал, опасную, тему.

– Пожалуйста, не зовите меня принцессой. Я – Кассандра. Она явно старалась перевести разговор в дружеское русло.

Вряд ли это поможет с таким прожженным дипломатом, подумал я, но зарекаться благоразумно не стал.

– Хорошее имя, Кассандра. По нашему это будет Александра, Сашенька – похоже, что он повелся на откровенность, с удивлением констатировал я.

– Мне нравится имя Сашенька – она стремилась закрепить отвоеванные позиции – Но это слишком уж интимно, если на наш, на троянский лад. Лучше зовите меня Сандрой.

– Сандра? Тоже неплохо звучит. Вы мне очень симпатичны, Сандра, симпатичны как человеку. Но как кадровый дипломат, я просто обязан взвешивать каждое слово. Боюсь, что не получится у нас откровенного разговора.

– А вы попробуйте как человек, а не как посол.

– Это небезопасно и для меня и для вас. А что, если кто-нибудь узнает о нашем разговоре?

– Не бойтесь. Даже если узнают, то все равно не поверят. Вам известно, что мне никто не верит?

– Да, что-то такое я слышал... – ответил Посол осторожно. Он все еще взвешивал каждое слово – Ну что-ж, рискну. Да, мне известно, что ваш братец собирается наставить рога одному нашему второстепенному царьку. Да что я говорю, он уже их наставил в свой прошлый приезд, а сейчас несется на всех парусах закрепить достигнутое.

– Вы хорошо информированы – это прозвучало с легчайшим оттенком иронии.

Похоже, наша Сандра, была не так проста, как могло показаться с первого взгляда. Посол немного смущенно пробормотал:

– ... Голубиная почта.

... И Кассандра немедленно перешла в наступление. Теперь ее голос, прежде спокойный, выдержанный зазвучал страстно, убеждающе. Вырвавшись наконец из лабиринта дипломатических околичностей, она говорила пламенно и искренне:

– Так воспользуйтесь своей голубиной почтой и предупредите кого следует там, на другом берегу. Потребуется всего одна скоростная трирема. Они легко догонят Парисика на его тихоходной яхте. Остальное – дело техники, и не мне это

объяснять вам, кадровому дипломату. Заблудшая жена возвращается к любящему мужу практически нетронутой, найдутся тому свидетели за разумное вознаграждение. Ну а Парисика можно немного попинать, только не увлекайтесь. И неприятный инцидент можно будет предать забвению.

– Ваш поступок трудно назвать патриотическим – теперь в голосе Посла слышна была ирония.

– При чем тут патриотизм? Это скорее дела семейные – казалось, Кассандра по-прежнему говорит искренне. Посол, по видимому, тоже был непрост:

– Не надо – сказал он укоризненно – Я знаю, что вы не настолько наивны. Мы оба видели как проводы Париса плавно перешли во всенародный праздник. Тут речь пошла уже больше чем об одной паре рогов.

– Так вы пошлете голубя или нет? – в ее голосе прорвалось нетерпение.

– Давно уже послал! – ответил он со вздохом.

Кассандра с недоумением уставилась на Посла. Видно было, как ему не хочется отвечать на ее немой вопрос. И все же, помявшись он неохотно произнес:

– ... И получил приказ ничего не предпринимать... Вы понимаете, что я сейчас выдаю вам государственную тайну?

– Я другого не понимаю. Что им там, в Спарте, от нас надо? – она действительно не понимала, хотя для меня ответ был уже очевиден.

– Действительно не понимаете? – нехотя сказал Посол –

А ведь все так просто. Им нужен повод для войны!

Вот слово и прозвучало! Война! А ведь я предупреждал Приама еще пару лет назад, когда он только начинал свои экономические реформы. Но разве будет могущественный царь слушать нищего поэта. Тогда он только посмеялся надо мной и смеется, наверное, до сих пор не видя дальше своего царского носа. Экономист он возможно гениальный, но в людях разбирается как скиф в демократии. Ведь совершенно очевидно, что... Но тем временем события на берегу начали развиваться ускоренным темпом.

– О боги! – вскричала Кассандра, непонятно к каким богам апеллируя – Зачем Спарте война? У вас что, спартанки не рыдают над убитыми спартанцами?

– Еще как рыдают – отозвался Посол и уныло добавил – Но тут задето более сильно чувство!

Я давно уже догадался о каком чувстве идет речь, но принцесса недоумевала и он неохотно пояснил:

– Зависть! Да, да, именно зависть. Видите ли, Сандра, я уже давно живу в Трое и могу позволить себе иногда посмотреть на происходящее несколько отрешенно. Не как спартанец, но и не как троянец. Их, спартанцев, до глубины души ранит ваше превосходство.

– И в чем же оно, наше превосходство?

– О, во многом. Эти ваши высокие технологии, эти ваши прекрасные дороги на две колесницы в каждую сторону. А это ваше капельное орошение, просто издевательство ка-

кое-то над бедным спартанцем, который ковыряет свою, хотя и плодородную землю, но зато дедовской сохой. А эти ваши высотные дома в три, а порой и в четыре этажа. Что должен чувствовать простой спартанец, ютящийся в свой, хоть и просторной, но одноэтажной халупе? Вот они, ну то есть мы, и решили воспользоваться таким прекрасным поводом. Ведь месть за обиженного мужа выглядит много благороднее банального желания пограбить. Да что я говорю! Даже не пограбить, а просто разрушить.

Теперь Посол не был похож ни на профессионального дипломата, ни даже на любителя. Похоже, что у него наболело и сейчас он был искренен. Кассандра же молчала, подавленная этой страстной речью. А мне было грустно. Они оба не понимали всю обыденность ситуации. Ведь все войны (или почти все) вызваны завистью. Более того, война представляет собой лишь последний эпизод, способ разрешения многовековых противоречий, узел которых завязан все той-же завистью... Кассандра первая прервала молчание:

– Ваши речи тоже не слишком патриотичны.

– Наболело, знаете ли – просипел Посол сквозь зубы –

Возможно, я слишком долго живу за границей.

– Как все это грязно! Как подло! – всхлипнула принцесса.

– Политика, Сашенька, все это долбанная политика. И ни-

чего тут не поделаешь – немного помолчав, он неуверенно добавил – Но есть еще одна причина, по которой я пытаюсь вам помочь в силу моих скромных возможностей.

– Что именно? – она перестала плакать и удивленно посмотрела на спартанца, как бы спрашивая, ну что еще?

– Нечто нелицеприятное, такое в чем сам себе не сразу признаешься – нехотя промямлил он – Ведь и я сам. я тоже полон этой зависти, я такой же как и все, ничуть не лучше. И нечто так глубоко, а может и не так уж глубоко, внутри меня требует – сожги, растопчи, уничтожь. Убей, наконец.

– Ничего не понимаю! Тогда почему...? – она действительно не понимала.

– Да потому что мне стыдно” – был невнятный ответ – Я не хочу быть таким, не хочу завидовать и разрушать. И не буду. Впрочем, все это для меня, вам это все равно не поможет.

– Что же нам делать? – спросила она, как будто он мог ей чем-то помочь.

– Боюсь, что вам не понравится мой совет – он по-прежнему мямлил, и было очевидно, что его совет содержит нечто мерзопакостное. Но Кассандра все же сказала:

– Да ладно, я уже ничему не удивляюсь. Что вы нам посоветуете?

– Бегите!

Наконец-то прозвучало это слово. Кассандре позволено было не знать, что этот совет всегда давали и будут давать те, кто обуреваемый завистью вторгается на чужую территорию. И неважно, что это: дом, бизнес, страна или душа. Бегите – кричат они. И многие бегут, подталкиваемые то-ли страхом то-ли отвратительным призраком безнадеж-

ности. Они не знают, что побежав раз, они будут бежать снова и снова. Не всегда их бег будет замечен... Иногда будет казаться что они планомерно и достойно отступают на заранее подготовленные позиции... Но они будут бежать, иногда сами не замечая этого. Ох, как отвратительно это бегство и как неостановимо. Порой прекратить этот постоянный, малозаметный бег много труднее чем выстоять изначально.

– Бежать? – повторила Кассандра, как бы пробуя это слово на язык.

Устоит или нет, подумал я?

– Да, именно, и без оглядки – настаивал Посол.

– Неужели нет иного выхода?

О как это было предсказуемо. Никто не готов сразу смириться с безысходностью. Вот и теперь наша Сандра искала разумный, как ей казалось, выход:

– Ведь разумные люди всегда могут договориться. Мы можем поделиться своими технологиями, мы можем построить вам дороги, можем научить капельному орошению...

Но ее собеседник был непреклонен в своей честности:

– Бессмысленно. Ахейцы слишком самолюбивы, чтобы что-то принять. Судите сами. Сейчас они убеждены, что они самый передовой народ, что их ученые самые ученые, а их города – самые красивые. В глубине души они, конечно, понимают, что все это, мягко говоря, не совсем так. Но они никогда в этом не признаются ни миру, ни, в первую очередь, самим себе. А вы предлагаете ткнуть их носом в то что они

не хотят видеть. Ну а если становится слишком заметно, что у кого-то дома выше и дороги шире, то можно сжечь те дома и разрушить те дороги. Тогда наши, пусть даже одноэтажные, дома будут самыми высокими, а наши не слишком хорошие дороги – самыми лучшими. Можно, конечно, научиться строить и дома и дороги, но этот путь значительно длиннее и труднее. Ну так будем же разрушать, кричим мы в толпу. И толпа радостно несется разрушать. И, вы знаете, Сандра, на этом пути тоже удастся кое-что изобрести. Например таран для разрушения домов и подобные гадости. Правда это не прибавит нам домов, зато прибавит немало того, что почему-то называется национальной гордостью.

У Посла похоже наболело и он говорил страстно, неестественно страстно, наверное доказывая что-то самому себе. Произнося эту возвышенную речь он забылся, как тетерев на току и, закатив глаза, невольно наступал на Кассандру, которая пригнувшись отходила шаг за шагом, уступая. Но, когда посольская речь благополучно закончилась, она распрямилась и заглянула ему в глаза:

– А как же вы? – и в ее голосе зазвучала жалость пополам с презрением – Я ведь чувствую вашу боль сквозь весь этот сарказм. Вы ведь не хотите, чтобы весь этот ужас обрел плоть. Так вернитесь в Спарту, идите к царям, идите к простым ахейцам, кричите, наконец, на площадях, как я кричу.

– Да, я в ужасе! И да, я не хочу. Но в Спарту не вернусь и кричать на площадях не буду.

После этого он сдулся как воздушный шарик, из которого выпустили воздух, и, отвечая на немой вопрос Кассандры, тихо и неестественно спокойно сказал:

– Потому, что Спарта – это отнюдь не Троя. Здесь у вас народ избалован изобилием и развращен демократией. Вас, Сандра, здесь демократично игнорируют. А там меня вульгарно зарежут посмей я только сказать то, что хотел бы сказать, но никогда скажу. Или цари меня убьют, или это сделает благодарный им народ.

Она по-прежнему не понимала и, глядя ве ее вопрошающие глаза, он нехотя начал объяснять ей прописные истины, которым не учат принцесс:

– Видите ли, Сандра, наши цари держатся за власть только на волне зависти к врагам. А иначе им просто нечего будет дать народу. И наши цари уничтожат каждого, кто попытается лишить народ зависти – этого простого, но такого эффективного инструмента власти. А народ идет за царями, потому что те дают им простой и ясный смысл жизни не требующий от них умственных усилий. И люди привычно порвут каждого, кто попытается заставить их думать. Ведь думать, это так некомфортно. Гораздо комфортнее завидовать.

– Но мы будем сражаться и мы не сдадимся так легко. Многие погибнут – возразила она, все еще не понимая.

Послу пришлось пояснить, что это как раз не слишком беспокоит царей. И люди пойдут умирать, подpiraемые сзади злостью и завистью, красиво замаскированными под на-

циональную гордость. И легко пойдут и весело, с песнями. Ведь они привыкли не задумываться, а в бой можно идти и не задумываясь.

– И нет выхода? – спросила она в отчаянии.

– Я, по крайней мере, его не вижу. Лучше бегите – сказал Посол, по-видимому так и не разобравшись с кем имеет дело.

А ведь я-то понял еще час назад...

– Мы не побежим – твердо сказала она и я подумал, что у троянского народа еще есть шанс.

– Я знаю – устало сказал Посол, оказавшийся не таким дураком, как я думал – Вы тоже гордый народ, хоть и умеете строить высокие дома. Нам остается только положиться на волю богов, хотя им, похоже, глубоко плевать на нас. Так я пойду? Извините, если расстроил.

Он ушел, этот совестливый и порядочный мужчина с трусливым сердцем. На берегу же осталась сидеть слабая пятнадцатилетняя девочка, бесстрашно готовая принять безнадежный бой. И все же, свое первое сражение она сейчас выиграла, сама не понимая этого. Потом мы снова сидели втроем на прибрежных камнях, слушая прибой.

– Вы все слышали? – спросила Кассандра.

– Лучше бы не слышали – проворчал я.

– И что скажете? – спросила она, как будто тут можно было чтонибудь сказать.

– Мне не хочется говорить, мне хочется плакать – сказала

Служанка и действительно заплакала.

Я ей даже позавидовал, ведь сам я так и не научился плакать. Но тут Музы подкрались ко мне в самый неподходящий момент и на меня опять накатило. Я поднялся и гордо заявил:

– А я, пожалуй, попробую сказать.
...И сказал следующее:

*Изыском утонченного садизма -
– Жестокое отмщение богов
Увидеть смерти огненную тризну
На крутизне троянских берегов
Неустово мучительно и страшно
Предвидеть, но не в силах упредить
Ни крик, ни боль, в предвиденье ужасном
Не смогут корабли остановить
Как опухолью страшной наболело
Что быть тебе пророком не дано
И в кровь ногтями раздираешь тело
Чтоб смыть непонимания клеймо
Как выплеснуть видение наружу
Надеюсь, что хоть кто-нибудь поймет
В неустовстве распластываю душу,
В безмолвном вопле раздирая рот...*

Это были тяжелые, жестокие рифмы и, посмотрев на по-

мертвевшее лицо Кассандры, я сам себя прервал, хотя еще несколько строчек просились наружу. Обычно я свою поэзию оценить не в состоянии, как впрочем и большинство поэтов. К тому же я никогда не жду ни хулы ни похвал, но сейчас я похоже неплохо воспел, потому что Кассандра признала, что я действительно поэт. Но сказала она это так грустно, что у меня защемило сердце и я пожалел, что не пишу мадригалы вместо своих злободневных опусов. Служанка, в свою очередь, ехидно заявила, что, согласно моим же собственным словам, я нищий, а не поэт. Пришлось пояснить ей, что я и поэт и нищий одновременно: как человек, я нищ, но как поэт я более состоятелен.

– Такими стихами – возразила она – Не зарабатываешь даже на кусок хлеба и горсть оливок. А ты знаешь, что другие поэты или те, кто себя поэтами называют, выдают твои стихи за свои? Вот например, этот вечно пьяный грек – Гомер. Да он скоро всю нашу Троию разберет на цитаты. Вот посмотришь, однажды он сочинит целую поэму из одних только обрывков твоих стихов. И будет эта поэма и социально востребована и идеологически выдержана.

Девушка неожиданно проявила недюжинные познания в той пограничной области между поэзией и бизнесом, которой я чуюсь. Мне нечего было ей возразить по существу и я только проворчал:

– Ерунда, Гомер – политический слепец, он же ничего не видит даже у себя под носом.

– Зато ему наша царица Гекуба благоволит – попыталась добить меня Кассандра.

Оставалось только патетически воскликнуть:

– Что он Гекубе, что ему Гекуба?

Плевал я на твоего Гомера, подумал я. Впрочем, как говорят те же скифы: "Не плюй в колодец, вылетит – не поймаешь". Все это я не замедлил озвучить и Служанка сразу отреагировала:

– Я тоже опасаясь, что ты доплюешься. Недостаточно сочинить стихи. Надо еще уметь их продать.

– Так же как и пророчества. Извини, Сашенька – это я попытался перевести стрелку на Кассандру.

Она не возмутилась, лишь грустно заметила:

– К сожалению, ты прав. А теперь уходите – сюда идет царь!

– Будешь продолжать, принцесса? – догадался я и Кассандра меня не разочаровала:

– Буду – неохотно сказала она – Ох как не хочется, но надо. Скорее прячьтесь.

Мы привычно спрятались и стали слушать.

Царь победоносно взошел на берег (именно взошел, а не пришел как простой смертный) с видом бесконечно уверенного в себе государственного мужа. Возможно, это и была маска, но Приам нес ее так естественно, что если бы его выход наблюдали биржевые маклеры, то курс троянских ценных бумаг на Сидонской бирже круто пошел бы вверх. К

сожалению берег был пустынен по случаю выходного дня и драматический выход нашего царя не был оценен по достоинству. За ним, на приличном расстоянии, следовала царица с брезгливой гримасой на породистом лице. Посмотрев на этих двоих я пожалел Кассандру и ее героические усилия.

– Зачем ты позвала меня, о дочь моя! – немедленно возопил царь, явно переигрывая.

– Я подумала – поморщившись сказала Кассандра – Что здесь на рынке, где мы ближе к народу, ты лучше поймешь меня.

– Это не рынок – заявил самодержец – Это Агора, просто мы на ней временно рынок организовали.

Приам и Гекуба начали лихорадочно осматриваться, как будто в первый раз увидели центральную площадь своего города. Тоже мне Агора, подумал я. Вот в Микенах Агора – это Агора. Или в этом модном районе новостроек, ну как его... а-а ... Афины. Вот там действительно рынок на Агоре. А у нас – Агора на рынке.

– Ты зачем нас позвала, доченька? – спросила Гекуба, профессиональным жестом поджав губы.

Царь, в свою очередь никак не мог успокоиться:

– ... Кстати, к народу мы всегда близко, что во дворце, что на Агоре, что на рынке.

– Отец – прервала его Кассандра – Меня очень беспокоит этот набег Парисика.

– А что с ним не так? – удивился Приам – Юноша развле-

кается, да еще и за счет чужого мужа – и он густо, от души захохотал.

Кассандру его веселый настрой не убедил:

– Ты же знаешь, отец, что не все так просто. Не считай меня ребенком.

Тут вмешалась Гекуба:

– Милая, я тебя очень хорошо понимаю. Ты беспокоишься за брата и это более чем естественно. Но воспитанная девушка из хорошего дома должна вести себя соответственно. А эта твоя выходка на причале выглядела ну просто неэстетично.

Кассандр нервно спросила, игнорируя мать:

– Папа, война будет!?

Но царица не позволила себя проигнорировать и заявила не терпящим возражений тоном:

– Ну, милая, это не та тема, которую следует обсуждать в твоём возрасте...

Но ее прервал Приам:

– Подожди Гекуба. Похоже девочка действительно немного повзрослела. Пойди-ка ты мать. прогуляйся по рынку, купи нам малины, что ли. А я тут поворкую с дочуркой.

– Так для малины не сезон – возразила было она.

– Ну так купи яблок или что там сейчас продают.

В голосе монарха слышалось нетерпение пополам с нарастающим недовольством и Гекуба сочла за лучшее гордо удалится еще более поджав губы. Кассандра снова села на стул.

пеньки, а Приам начал расхаживать взад-вперед, как перед трибунами парламента. Он начал торжественно:

– Война говоришь? Будет война, непременно будет. Вопрос только в том – какая? Войны бывают экономические и информационные...

– Бывают еще такие в которых убивают – торопливо встала Кассандра, но смутить царя ей не удалось и он продолжал вещать:

– ...А вот этого всегда можно избежать. Противника можно вначале разорить, потом запугать, а еще потом дезинформировать. А убивать, это только в самом крайнем случае. И уж точно, не на поле боя. Кому это надо, посуди сама. Даже если ахейцам, рассуждая чисто гипотетически, удастся захватить Троию, они успеют положить под нашими стенами пол-Эллады, а их экономика будет просто раздавлена военными расходами. Им это надо?

– А если им плевать и на пол-Эллады и на экономику? – возразила Кассандра.

– Так не бывает – снисходительно пояснил Приам – Поверь мне дочка, никто не разрушает свою страну, чтобы уничтожить другую.

– Я не уверена. А боги, боги будут на нашей стороне? – и она с надеждой посмотрела на отца.

– Ну, это вряд-ли – недовольно ответил он – Ты же знаешь, что наши небожители подсели на амброзию и нектар. А нектарные поля, как ты наверное проходила в школе, на-

ходятся в основном на Пелопоннесе. По воле Зевса, разумеется. Не мог, зараза, равномерно распределить. А Пелопоннес, он что...? – и он вопросительно посмотрел на дочку как учитель смотрит на записного отличника, всегда знающего правильный ответ.

– ...Он на греческой территории – послушно сказала Кассандра.

– ...Так что против греков боги не пойдут. В лучшем случае они призовут обе стороны к сдержанности. А скорее всего, будут ненавязчиво поддерживать ахейцев, сохраняя видимость беспристрастности. Ты не представляешь как много пакостей можно сделать под маской объективности.

– Так что же нам делать? – уныло спросила Кассандра.

Приам явно воспрял духом:

– А вот это правильный вопрос. Нам следует не на богов рассчитывать, а на союзников, на наши экономические связи и на нашу военную мощь. Пусть ахейцы приходят. Они увидят наше боевые колесницы, наши высокие дома, наши стены. И они покрутятся, покрутятся и отступят.

– Но ведь я ясно видела как рушатся наши стены и как горят наши дома – сейчас она почти кричала, но папашу было не так просто пронять.

– Абсурд и девичьи страхи – безапелляционно заявил он – Ахейцы, конечно, мерзавцы, но не дураки же они. Они, разумеется, поиграют мускулами, понадувают щеки, но на открытые военные действия не осмелятся.

– А если осмелятся? – настаивала Кассандра.

– Ну вот тогда и поговорим – ответил царь смеясь – А известно ли тебе, что при определенных условиях война может очень благотворно сказаться на экономике? Да, да, не удивляйся. Правильно организованная и хорошо контролируемая небольшая заварушка даст необходимый импульс нашему военно-промышленному комплексу. Увеличится производство колесниц, баллист, осадных орудий, иной военной техники. А это означает рабочие места, приток налогов, ускорение оборота денежной массы и много других полезных и нужных дел. Ну что скажешь?

Я бы ему ответил, если бы мог. Но Кассандра ответила за меня:

– Какая мерзость! А как же с теми, кто погибнет в этой ‘заварушке’?

Приама, по видимому, смутить было невозможно:

– Их семьи несомненно получают достойную компенсацию, между прочим – из тех же прибылей, которые эта заварушка нам принесет. А сейчас сюда идет твоя мать и, будь добра, постарайся ее не расстраивать.

– Папа! – закричала она, но царь ее уже не слушал:

– Все, прощай Сандра, меня ждут государственные дела – и наш монарх удалился (именно удалился, а не ушел как простой смертный).

Сейчас он был в равной степени великолепен как политик, как экономист и как отец. Как политик он знал точно,

что нужно народу и государству и величественно игнорировал возможную оппозицию. Как экономист он был поистине гениален, ставя экономику во главу угла и презирая все, что экономикой не являлось. И, наконец, он был бесподобен как отец, вещая дочери прописные истины и забывая спросить ее мнение. Похоже, нашу Троию ожидали нелегкие времена и я даже задумался о социальном переустройстве государства, но мне было лень этим заняться. На покинутый царем берег вернулась Гекуба.

– Малины ему захотелось – ворчала царица – Клубнички ему подавай. Да там, кроме пары дохлых кур и гнилых маслин, ничего и нет.

– Мама, ты не боишься, что мой брат спровоцировал войну? – прервала ее Кассандра.

– Ну, не думаю – рассудительно заметила царственная мать – И вообще, эти греки сами виноваты. Им бы следовало получше воспитывать своих дочерей. Тогда бы ни одна из них и не взглянула бы на постороннего мужчину.

– Так уж и ни одна? – засомневалась Кассандра.

– Конечно, твой брат мужчина видный – Гекуба на мгновение улыбнулась и на ее породистом лице появилось нормальное человеческое выражение, тут же уступившее место выражению лицемерно-царственному – Но ведь это еще не повод. Я имею ввиду, для воспитанной дамы. И уж точно, не повод для войны. Впрочем, война, это дело мужчин.

– Да, их там убивают – добавила Кассандра.

Но смутить мамашу было еще сложнее чем смутить папашу.

– Я уверена, что убивают только тех, кто и не заслуживает большего – с абсолютной уверенностью заявила она.

– Ну а если убьют одного из твоих сыновей: Гектора, Париса или Антифонта? – похоже Кассандра сама испугалась того, что сейчас сказала.

– Какая гадость – поморщилась Гекуба от одного такого предположения – Этого просто не может быть. Принцев не убивают, их берут в плен и потом выпускают в обмен на выкуп. По крайней мере так принято в цивилизованном мире.

– А женщины? – не унималась Кассандра – Участь женщины побежденных может быть даже хуже. Ее судьба быть бесправной рабыней, наложницей, которую воины передают один другому, бессловесной тварью, подстилкой для последнего раба. Эту участь ты предлагаешь мне?

– Немедленно замолчи – возмутилась царица – Я не хочу слышать эту мерзость. Да, я слышала, что на войне случаются определенные эксцессы, но они несомненно не имеют отношения к принцессам. А ты принцесса, не забывай это и будь любезна вести себя соответственно.

– Мама! – закричала Кассандра, но Гекуба уже ее не слушала:

– Тебе не кажется, что эта тема себя исчерпала? По крайней мере, в рамках приличия.

– Мама! – повторила принцесса в полном отчаянии, но

мать даже не глядя в ее сторону быстро, как будто боясь услышать еще что-нибудь, проговорила:

– Я еще должна проследить, чтобы твоему отцу приготовили диетический ужин. ты же знаешь, у него слабый желудок...

– Мама! – прозвучало в третий раз, теперь уже устало и безразлично.

Но Гекуба уже уходила, проворковав напоследок:

– ...Можешь еще погулять на рынке... То есть, на Агоре. Но не слишком задерживайся. До свидания.

Мы осторожно подошли и снова сели рядом. Кассандра не заметила нас и все повторяла потеряно:

– Но как же так, мама?

У меня нет детей, по крайней мере мне про это ничего не известно. Но, если бы у меня была дочка, то мне бы хотелось чтобы она была похожа на Сандру – такая же честная и бесстрашная. Впрочем, нет! Такая дочка должна быть истинной мукой для любящего отца, ведь он всю жизнь провел бы тревожась за нее, такую незащитную перед нашей жестокой жизнью. Если он не царь и не экономист, разумеется. И все же мне захотелось на миг, чтобы Сандра была моей дочкой. Я бы боялся за нее, но и гордился бы ей.

– Не надо, принцесса – прошептала Служанка собираясь снова заплакать.

– Это бесполезно! – вырвалось у меня.

Кассандра посмотрела на нас и горестно произнесла:

– Неужели Аполлоново проклятье сильнее людей?

Я не верю в проклятия, как и не верю в наших богов, хотя неоднократно их видел и даже имел с ними беседы. Но не следовало сейчас все это рассказывать расстроенной девушке.

– Не знаю насчет проклятия – сказал я – Но твой отец похоже слишком умен, чтобы прислушаться к чужому мнению. А царицу вообще ничем не проймешь. Только без обид.

– Какие уж тут обиды – мрачно сказала она – Одна надежда на Гектора. Надо поговорить с ним. Его все уважают, его любят в народе. Даже отец, который никого не слушает, и то прислушивается к нему иногда.

Я знал Гектора довольно хорошо и не питал в отношении него никаких надежд. Служанка была, по видимому, менее осведомлена и поэтому поинтересовалась не ждем ли мы сегодня и Гектора тоже.

– Нет, друзья мои – ответила Кассандра – Его нет в городе и не будет еще несколько недель. Как бы не было поздно.

Разумеется, было уже поздно – поздно что-либо предпринимать. Колеса войны завертелись, смазанные завистью, жаждой наживы, национальной гордостью и что там еще было, не знаю. У фараона, на биржах в Фивах и Сидоне, осведомленные лица лихорадочно покупали, продавали и перепродавали. Поставщики маслин, сухарей и бычьих кож для щитов восторженно потирали руки, предвкушая будущие прибыли. Цари, царьки и авантюристы всех мастей стекались

в Микены, рассчитывая на добычу или, по крайней мере, на списание долгов по кредитным записям. Корабли срочно покрывались дополнительным слоем смолы, радуя кораблевладельцев. Женщины привычно плакали, дети восторженно кричали... Война, еще не начавшись, уже жила своей жизнью. А нам оставалось только ждать... И мы стали ждать.

Часть вторая. Служанка

Я Служанка... Только не подумайте, во имя всех богов, что я целыми днями таскаюсь с продуктовой корзиной на рынок или с грязным бельем к прачкам. Хотя, иногда мне приходится и это делать. но лишь в виде прикрытия моих настоящих дел о которых вам, впрочем, знать совершенно незачем. Как вы уже поняли я Служанка по особо деликатным поручениям. Эти поручения порой уводят меня весьма далеко от нашей Трои, отсюда и мой несколько необычный вид, отсюда и мой фараонский акцент. Впрочем этот акцент, по отзывам понимающих людей, придает эротичность моему, и без того низкому и чувственному голосу. Но последнее время я безвылазно сижу в нашей столице, дожидаясь поручений моей царицы и умирая от скуки в прогулках по берегу моря. Здесь на берегу я и познакомилась с нищим поэтом и с нашей маленькой принцессой.

Поначалу я была настороже и предсказуемо ожидала пакостей как от одного так от другой. Если верить моему богатому опыту, Нищий должен был рано или поздно полезть ко мне под тунику и я предвкушала тот миг, когда смогу на законных основаниях проехаться чем-нибудь тяжелым по его нахальной, заросшей щетиной физиономии. От принцессы я ожидала высокомерия и презрительности и заранее подумывала пожаловаться на нее царице. Оба они обманули мои

ожидания... Нищий действительно посматривал дерзко, но не на меня, а на Кассандру. Вначале это меня даже оскорбило, но как-то раз я проследила его взгляд и, к моему удивлению, он не оказался ни наглым ни похабным. Так мог бы смотреть отец на дочку или дед на внучку. На меня никто никогда не смотрел так, а может быть и смотрел, но было это так давно, что моя память этого не сохранила. И мне захотелось вдруг, чтобы Нищий посмотрел так и на меня. И еще я подумала, что если он полезет ко мне под тунику, то может не стоит лупить его по лицу.

Принцесса в свою очередь не была ни презрительной ни высокомерной. Оказалась она довольно славной девчонкой, к которой я даже начала испытывать нечто похожее на материнские чувства. Ведь я намного старше ее, лет этак на... Но это вам знать ни к чему. Девочку было жалко. Ее надежды на Посла, также как и на папу и маму, не оправдались. Я бы могла ее предупредить, ведь царицу я знаю хорошо, слишком даже хорошо. Царя Приама я тоже знаю неплохо, ведь царю не заедешь по физиономии, когда он залезает к тебе под тунику. А так хотелось бы... Но я благоразумно ничего не сказала, хотя потом она буквально довела меня до слез своим отчаянием, а я ведь и не догадывалась что еще способна на сострадание.

В последние дни я редко бывала на берегу и не видела ни ее ни Нищего. Время шло себе и шло, не обращая внимания на служанок, нищих и принцесс. Уже давно вернулся Парис,

привезя свою Елену, по какому-то недоразумению названную Прекрасной. А мы все ждали возвращения Гектора, хотя как признался мне Нищий, ждать было особенно нечего. Сама я старшего брата Кассандры знала плохо, он всегда был в разъездах по своим армейским делам. Сегодня же я случайно оказалась на берегу, в том самом месте, где мы встречались с Сандрой. Был опять выходной день и берег пустовал. Только Нищий обреченно смотрел в море, как будто поджидая меня. Я подошла и села, не поздоровавшись. Мы вместе стали изучать морскую даль. Не знаю, что он собирался там увидеть, а я так боялась увидеть корабли... Корабли данайцев. Мы так увлеклись созерцанием, что не сразу заметили появление Кассандры.

Первым опомнился Нищий:

– Возрадуйся, о Приамида! – торжественно провозгласил он.

– Издеваешься? – нервно поинтересовалась она.

– Нет, просто дурная привычка. Извини – таким покладистым я его еще не видела.

– Ладно, извиняю. Я и сама вся на нервах. Терпеть не могу ждать – успокоила его принцесса.

По приходе Сандры Нищий заметно оживился и сейчас он даже поинтересовался кого она здесь ожидала увидеть. Кассандра призналась, что ждет брата Гектора.

– Но он наверное, припрется со своей коровой – огорченно добавила она.

– Он что, увлекся животноводством? – наивно удивился Нищий.

Пришлось мне объяснить этому простофиле, что имеется ввиду жена Гектора, Андромаха.

– Наверное она все еще крутится перед зеркалом – недовольно проворчала Кассандра – И поэтому Гектор опаздывает.

Но тут за поворотом раздались четкие шаги, характерные для поборника армейского строя и мы с Нищим в очередной раз спрятались неподалеку, намереваясь подслушивать, как обычно. Осторожных шажков Андромахи не было слышно за цокотом Гекторовых сапог, но она немедленно появилась вслед за ним, неизбежная как похмелье после пьянки, если верить опыту Нищего.

– Привет сестренка – жизнерадостно завопил Гектор, обнимая Кассандру.

– Здравствуй, принцесса – сказала Андромаха, не решившись на такие же объятия.

– Не надо принцессы, зови меня Сандрой – поморщилась та.

– Очень демократично, Сандра – несмотря на похвалу, было видно, что за демократичность принцесс Андромаха не дала бы и выеденного обола.

Но Кассандру ее мнение не интересовало.

– Гектор, как ты думаешь, война будет? – спросила она с напряжением в голосе.

– Это ты насчет шалостей нашего младшенького? – Гектор расхохотался – Какой проказник, однако...

– Ты же сам его подзуживал – настаивала Кассандра – Разве этот набег не твоя идея? Да Парису такое в жизни не придумать!

– Гектор, это правда? – возмутилась Андромаха.

– Признаю, я немного приложил руку – охотно отозвался Гектор не без гордости в голосе.

– Немного? – Кассандра прищурилась.

– Не придирайся, сестренка! – в голосе ее брата послышалось раздражение – Да, послал я нашего наивного братика немного пошалить в Спарте. И он прекрасно справился, как мне доложили. А теперь все просто: кто начал военные действия, тот и агрессор. И это будем не мы, а значит перед богами и перед мировой общественностью мы чисты.

– Так это ты провоцируешь войну? Зачем? – недоумевала Кассандра.

Признаюсь, для меня ее вывод о том, кто разжигает войну, был неожиданностью и я даже засомневалась. Но посмотрев на твердо сжатые губы Нищего и выражение его глаз, я заподозрила что для него это не было откровением. Не знаю почему, но в последнее время я привыкла доверять его суждениям и даже испытывала к нему определенное доверие, чувство прежде совсем мне не знакомое. Вот и сейчас, я почувствовала, что он знал уже давно то, что Сандра поняла лишь минуту назад. А может быть она тоже подозревала, но не хо-

тела верить.

– Затем, что застоялись мы в стойле... – начал Гектор менторским тоном, как объясняют очевидные истины полным идиотам.

Вот только непонятно, кто именно был здесь идиотом. Тем не менее, Гектор продолжил:

– Наш умный отец пытается решить все проблемы с помощью экономического давления. Ну а я раскрою ему глаза. Нет, хватит с нас экономики. Посмотри на наши новые тяжелые колесницы, собранные по лицензии фараона. Они ржавеют без дела. А высокоточные баллисты последней модели? И для чего, по-твоему мои бойцы годами накачивали мускулы, делали марш-броски аж до самой границы. Для чего? Чтобы папочка использовал их только как фактор устрашения? Ну нет, мы покажем себя в бою!

– А если вы будете разбиты? Что будет тогда с нами? – предположила Кассандра.

– Мы? Разбиты? Ты хочешь сказать, что недообученное ополчение ахейцев выстоит против нашей профессиональной армии? – он искренне недоумевал.

Кассандра не унималась:

– Их много и они злы. А их цари готовы положить всех до последнего солдата, лишь бы разрушить Трою. А готов ли ты? – сейчас она пересказывала слова Спартанского Посла, но Гектор этого не знал, а если бы и знал, то не поверил бы.

– Мне и незачем. До этого просто не дойдет дело – без-

апелляционно заявил он.

– А если дойдет? – настаивала принцесса – Не лучше ли сжечь их корабли еще до того как они высадутся?

– Как ты можешь? Они тоже люди! – возмутилась Андромаха, давно уже пытавшаяся вставить словечко.

– Остынь, Андромаха – отмахнулся от нее муж – Боюсь, Сандра, из твоей идеи ничего не выйдет. Ты же знаешь, у нас практически нет флота, кроме пары легких трирем. А нанимать флот у финикийцев слишком дорого, наш царь это ни за что не оплатит.

– Не понимаю, как можно жечь живых людей? – Андромаха не унималась.

Кассандра повернулась в ее сторону:

– А если они идут жечь тебя? Мне тоже бы не хотелось их убивать, но для того, чтобы убереечь Троию, я готова на все. А ты на что готова ради своих детей?

– Девочки, не ссорьтесь – добродушно попросил Гектор – Все равно мы флот жечь не станем.

Наверное, он прочитал вопрос в глазах сестры, только все его добродушие внезапно куда то исчезло и он ответил, отчеканивая слова:

– Да если их сжечь, с кем же я тогда воевать буду? – и он отвернулся не выдержав ее гневного взгляда.

– Так вот оно что! – закричала она – Ты готов развязать войну, только чтобы удовлетворить свои амбиции великого полководца?

– Сандра, не надо так – раздраженно проворчал он по-прежнему отводя взгляд – А, впрочем, что скрывать теперь. Да, да, мне нужна эта война. Я не собираюсь всю жизнь оставаться в тени нашего доброго папочки.

– И тысячи погибнут ради твоих амбиций.

– Ну и пусть. Зато остальные вернутся покрытые неувядаемой славой.

– Гектор, что ты говоришь! Опомнись! – завопила Андромаха, некрасиво разевая свой и без того немаленький рот.

– А ты не лезь ко мне со своим гнилым пацифизмом! – повторно отмахнулся от нее любящий супруг.

– Тупой вояка! – заявила она, села на ступеньки и зарыдала в голос.

Но заглушить Кассандру ей не удалось.

– Да нет, не тупой – с неестественным спокойствием сказала принцесса – Скорее – беспринципный! Ведь правда, братец? Для тебя ничего не стоит положить дивизию-другую ради своего возвышения.

Гектору наконец удалось посмотреть Кассандре в глаза:

– Кто бы говорил – нагло заявил он – Провидица-неудачница, которой никто не верит.

– А ты попробуй поверить! – Кассандра сделала несколько маленьких шажков вперед и Гектор невольно отступил – Ну представь хоть на минуту, что вместо триумфального въезда на богато украшенной колеснице в главные ворота Трои, та же колесница будет волочь твое безжизненное те-

ло по пыльному плацу, на котором ты сейчас гоняешь своих солдат. Представил?

– Перестань! – завопил Гектор, отступая еще дальше.

Сейчас этот полководец ударится в паническое бегство, подумала я. А Кассандра продолжила свое медленное наступление:

– Ахейцы будут сбрасывать трупы троянцев под те стены, перед которыми ты собираешься красоваться триумфатором. Представил?

– Прекрати! Этого никогда не случится! Слышишь – никогда! – продолжал вопить полководец – А, да с кем я говорю! – тут он повернулся и действительно убежал, как я и предполагала.

– Гектор! – позвала Кассандра в отчаянии, но полководец был уже далеко, храбро бежав с поля боя.

А на берегу остались две такие разные женщины.

– Оставь его – сказала Андромаха, вытерев слезы – Эти тупые солдафоны только и знают, что воевать.

– Иногда приходится воевать – возразила ей Кассандра.

Оне не плакала, хотя я на ее месте непременно бы разрыдалась.

– Я не верю тебе, люди всегда могут договориться. Можно пойти на уступки – возразила ей Андромаха.

– Но для того, чтобы договориться нужны две стороны. А что, если противная сторона не хочет договариваться?

На мой взгляд этот аргумент был более чем серьезным и

Андромахе требовался столь же сильный контраргумент. Но я недооценила степень ее ханжества.

– Так не бывает. это все отговорки милитаристов и агрессоров – безапелляционно заявила она – Разумеется, придется чем-то поступиться, пойти на компромисс...

– А если им не известно понятие компромисса? – продолжала настаивать Кассандра.

Она не понимала, что ее поединок с демагогией заранее обречен на провал.

– Так не бывает! Компромисс это одна из основ цивилизации! – Андромаха была непреклонна.

– Ты судишь по себе. А тебе не кажется, что тем самым ты отказываешь им в самобытности и индивидуальности? – Кассандра попыталась зайти с другой стороны.

– Неправда, они такие же люди как и мы! – заявила Андромаха, по видимому делая вид, что не понимает о чем идет речь.

– То есть – как ты? Итак, ты являешься эталоном а им ты делаешь одолжение ставя на один уровень с собой? – сейчас Кассандра наступила на ахиллесову пяту всех пацифистов, сама не понимая этого.

Но истинного пацифиста невозможно убедить фактами а Андромаха была настоящей пацифисткой. Поэтому она только вяло отмахнулась, сказав:

– Я это не говорила.

– Прости, но именно это ты сказала – наступала Кассандра

– Мне почему то кажется, что такое сравнение не слишком вдохновит ахейцев, особенно когда они придут под стены Трои. А они придут, не сомневайся.

Однако позиции Андромахи были укреплены семью словами демагогии, так что в отличии от Гектора, она выстояла и даже перешла в наступление:

– Пусть приходят. И здесь, под нашими стенами, мы выйдем к ним навстречу и будем говорить как равные с равными.

– Ох, сомневаюсь – вздохнула Кассандра – А как насчет того, что по дороге к стенам, они сожгут предместья?

– Это неизбежные издержки. Мы должны принять это с пониманием.

– Что по поводу убитых, замученных и угнанных в рабство жителей этих предместий?

– Следует признать, что путь к миру непрост. Иногда он требует жертв.

– Как далеко ты готова зайти в своей жертвенности? Что, если убьют твоего мужа? – сейчас Кассандра испытывала, по видимому не гнев, а удивление.

– Я оплачу его как жертву борьбы за мир – гордо сказала Андромаха и глаза ее засверкали.

Похоже, она просто мечтала оплакать мужа, а может я и была к ней несправедлива... Надеюсь, что была.

– А когда ахейцы ворвутся в город, то они первым делом надругаются над женщинами.

– Им придется через это прийти. Никто не сказал, что до-

рога к миру будет легкой.

– Подумай хорошо, ведь одной из жертв будешь ты сама. Тебя отдадут солдатам и ты обслужишь десятерых из них.

– Если надо... – гордо сказала Андромаха.

– Двадцать...

– Я смогу! – сейчас с Андромахи можно было лепить статую "Непреклонности".

– Не сомневаюсь, что и тридцать для тебя не в тягость – ехидно сказала Кассандра и, посмотрев ей в глаза, продолжила – А потом тебя сбросят со стены на острия копий.

– Нет! – в ужасе закричала Андромаха.

Но Кассандра была неумолима:

– Но ты умрешь не сразу, а еще успеешь увидеть как уведут в рабство твоих детей.

– Не надо! – похоже сейчас пала последняя стена демагогии.

– Прости. Но, я это видела – тихо произнесла Кассандра, опустив глаза. Потом, снова посмотрев на Андромаху, сказала – Помнится, Гектор назвал твой пацифизм гнилым....

– Да что он понимает в пацифизме? – возмутилась та.

– Согласна – по прежнему спокойно глядя ей в глаза, сказала Кассандра – Гектор тебя недооценивает, ведь твой пацифизм хуже его милитаризма. Он мало чем отличается от пофигизма.

Как-то Нищий посоветовал мне держаться подальше от пацифистов. Вояки, сказал он, менее опасны, ведь даже за-

тевая войну, они думают о том, как ее закончить, а борьба за мир будет длиться вечно с не меньшими жертвами. Сам термин "пофигизм" я слышала впервые, но явление мне приходилось встречать повсеместно. Андромаха тоже все поняла и немедленно сбежала унося с собой остатки демагогии и ханжества. Ее бегство сопровождалось истошным криком:

– Это все неправда, ты все придумала. Такого не будет, не может быть...!

Мы вернулись из своего укрытия и долго молчали. Молчание становилось у нас обычаем, и я надеялась что это не перерастет в традицию. Сейчас Сандра выглядела еще хуже, чем обычно. Ее глаза еще больше постарели, плечи опустились, а растрепанные рыжие локоны невольно вызывали ассоциацию с Медузой Горгоной.

– Все бессмысленно – прошептала она тихо, но мы слышали.

А есть ли выход вообще, подумала я? Сандра попробовала все и все было бесполезно. Спартанец убедил нас, что умиротворение не поможет, как и безрассудная вера Гектора в свой полководческий талант. Не хотелось даже думать о папе-экономисте и маме-поборнице этикета. Пока я так размышляла, Нищий изложил все то же самое Кассандре, причем моими же словами. Неужели он читает мысли? Но возмущаться почему-то не хотелось.

– Так что же нам делать? – спросила я.

Кассандра пристально посмотрела на нас и сказала:

– Спасать Троию!

– Но как? – вскричали мы хором.

– Вы не поняли – начала она устало – Смотрите сами. Наш царь хочет нажиться на небольшой войне, Гектор хочет славы, Андромаха хочет мира любой ценой, царица хочет чтобы все было прилично...

– Добавь еще посла, который хочет остаться в стороне – подсказал Нищий.

– Вот именно! А надо всего лишь захотеть спасти Троию. Тогда и выход найдется.

Теперь это было очевидно: ни один из них не заботился ни о городе, ни о жителях. У каждого были свои интересы, вот только спасения Трои среди этих интересов не было. И до этого нам было грустно, а стало совсем паршиво.

– Но они ведь не верят – попыталась я спасти положение.

– От тебя ничего не укроется – сказала она скорее устало чем насмешливо и добавила – Ах, если бы только не этот сексуально озабоченный.

– Это ты про Аполлона? – догадался Нищий.

– Про кого же еще? – отозвалась Сандра.

Наверное она не просто так помянула этого бессмертного бабника и я решила, что мне следует вмешаться. Осторожно, очень осторожно я сказала:

– Послушай, принцесса, это не мое дело, конечно, но может тебе стоит подумать... ну ты понимаешь?

Кассандра поняла меня с полуслова, наверное она и сама

думала об этом:

– Ты что, предлагаешь мне дать этому мерзавцу?

– А что? – продолжила я, воодушевленная ее реакцией – Судя по первоисточникам, он вроде бы неплох собой, да и в сексе далеко не мальчик.

На самом деле кроме первоисточников, доступных каждому, я располагала дополнительной информацией, доступной немногим.

– Правда, говорят, что ты девственница – смущенно добавила я.

Но Кассандра, в отличие от меня, не смутилась:

– Вообще-то слухи о моей девственности несколько преувеличены – гордо заявила она и продолжила – Несомненно, твое предложение весьма мерзко, но что-то в нем есть. А ну-ка уйдите со сцены!

Я не поняла, что она называет сценой и огляделась. Берег был по пустынен до самого Боспора. Нищий был более конкретен:

– Ты что, прямо на рынке собираешься...? – он не договорил.

– Думаешь, в лесу будет лучше? – съязвила она.

Тут мы сообразили, что сегодня воскресенье, Зевсов день, и именно поэтому мы на рынке одни. Все уже давно в лесу мангалы расставляют, а здесь как раз никого.

– Ну вот видите – сказала Кассандра глядя на наши смущенные лица – А сейчас, вы, оба – брысь отсюда!

Я послушно поплелась в укрытие, не собираясь, уходить слишком далеко, чтобы не пропустить увлекательное зрелище, а Нищий задержался и я слышала как он пробормотал:

– Я лучше тут в уголке притулюсь. Ты пойми, я ведь все-таки поэт. Кто-то же должен будет все это воспеть, так что придется уж мне быть свидетелем. А то чужие пересказы меня как-то не вдохновляют.

И он уже было поплелся вслед за мной, но повернулся и спросил:

– Послушай, принцесса, ты что, всерьез полагаешь, что Аполлон тебе поможет?

Кассандра удивилась:

– А кто же еще? Он проклял, он пусть порчу и снимает.

– Какой же ты, в сущности, ребенок – наставительно сказал Нищий – Неужели ты всерьез думаешь, что боги действительно нами управляют и что от них что-либо зависит? Да они просто паразитируют на нас, на людях, также точно как это делает правительство, как чиновники, как портовая мафия, в конце концов.

– Но ведь меня не же слушают, мне же не верят. Это все аполоново проклятье – настаивала Кассандра.

Нищий возопил, воздев руки к небу:

– Боги! Ну нельзя же быть такой наивной.

– Так просвети меня! – гневно потребовала она.

– Ну нет, я лучше воздержусь – отвечал Нищий – Ты, конечно, девочка славная, но ведь люди так не любят слушать

правду. Тебе ли этого не знать. Пусть уж лучше боги тебя просветят.

– Ну и катись отсюда – потребовала она.

– Уже исчезаю – согласился он – Только. напоследок, если позволишь, один совет. Не спеши предлагать себя Аполлону.

– В-о-он!! – заорала Кассандра и Нищий исчез.

Оставшись одна, Кассандра начала нервно ходить вдоль берега, тихо бормоча что-то себе под нос. Нам было слышны только обрывки слов и там было что-то вроде: "Звезды Сад-ад-Забих", "Дом Водолея хренов", "Зевс Вседержитель" и тому подобная муть, а может быть нам все это показалось. Похоже было, что наша Сандра напрочь забыла как следует звать к бессмертным богам. Наконец, решившись на что-то она воздела руки к небу и закричала:

– Аполлон! К тебе взываю! – немного подождав и не добившись никакого эффекта, она отчаянно завопила – Ну, взываю же! – это тоже не помогло и она устало продолжила более спокойным голосом – Как там тебя величают? Бесподобный? Обалденный? Боюсь, что я как раз этот урок в школе прогуляла...

Увлеченные камланиями Кассандры мы и не заметили, как на берегу появились два новых персонажа. Их явно выдавала чистая, не запачканная одежда и сандалии, в которых по-видимому никогда не рвались ремешки. Только по этим приметам в них и можно было распознать бессмертных богов, так как во всем остальном они производили скорее уны-

лое впечатление. Первой шествовала женщина, уже немолодая с гипертрофированной мускулатурой и прогрессирующим целлюлитом на не менее мускулистых ногах. Лицо у нее казалось вырубленным из камня и вырубленным неаккуратно, фигура же вызывала ассоциации с тумбочкой, тоже весьма топорно изготовленной. На голове у нее был неуклюже надет огромный гоплитский шлем, уродующий ее еще больше. На груди у дамы висело украшение, в котором я с ужасом узнала Эгиду и зажмурилась. Тут Ниций прошептал мне на ухо – "муляж" – и я снова посмотрела на Афину, но ничего интересного больше не увидела. У нас в Трое, такая уродина могла бы рассчитывать на брак лишь с Циклопом. Тут я вспомнила, что Афина не замужем и успокоилась. Сопровождающий ее бог выглядел несколько лучше, по крайней мере – на первый взгляд. Это был статный мужчина неопределенного возраста с благородной походкой и гордо поставленной головой. Но присматриваться к нему не стоило... Тогда становился заметен усталый, загнанный взгляд, морщины на лбу, слегка обвисшие щеки и малозаметная пока жировая складка в районе пояса. Когда-то Аполлон был златокудрым блондином, по крайней мере так уверяли нас школьные учебники, но сейчас позолота поблекла, а местами, похоже, и пооблезла. У меня появились серьезные сомнения в бессмертности наших небожителей.

С трудом преодолевая одышку, Аполлон взобрался на берег и брюзгливо объявил:

– Лучезарный. Надо говорить "лучезарный", двоечница. И незачем так орать – всех на Олимпе разбудишь. И так, зачем ты меня вызвала? Я между прочим, как раз свою пайку нектара получил. И только мы с Гефестом намылились хорошенько вмазать, на тебе – двоечница взывает. А тут еще Афинка за мной увязалась.

Афина, тоже с трудом взобравшись на берег, возразила:

– Вообще-то тебя должна была Афродита сопровождать, ведь она у нас главная по любовным вопросам. Вот только после той каши, что она заварила с яблочками, ей лучше не появляться в Трое. Так что с вашими амурными делишками придется мне разбираться.

При слове "амурный" Аполлона явственно передернуло. Он тупо посмотрел на богиню, с трудом концентрируя взгляд на поддельной Эгиде и явно не понимая о каких "делишках" идет речь. Кассандра, смущаясь и запинаясь, пришла ему на помощь:

– Ты... лучезарный, на меня, конечно, сердисься и справедливо сердисься, я понимаю. И я понимаю, как была неправа. Но и ты напрасно погорячился. Ну зачем же так сразу проклинать! Ведь я женщина, ко мне более тонкий подход нужен. Мы, женщины, ведь не можем, так, сразу, сказать "да". Ну хоть ты-то подтверди!

Последнее восклицание предназначалось Афине.

– Вообще-то с тебя кокетства, как со скифа трезвости – мрачно откликнулась та – Но, впрочем, продолжай, продол-

жай, мне нравится ход твоих мыслей.

– Пойдите, девочки, я уже совсем ничего не понимаю – взмолился Аполлон.

– Видишь, он хоть и бог, а все тот-же тупой самец – пояснила богиня Кассандре – И нас, баб, ему никак не понять. Но и ты тоже немного не в теме – теперь она повернулась к Аполлону – Бедная девочка думает, что ты ее действительно домогался.

– Я!?! – в ужасе завопил Аполлон – Ее!?!

Похоже у него начинался приступ паники даже и без помощи Пана.

– А, вспомнил! – с облегчением воскликнул он – Ну, понимаешь... – начал он смущенно – ... Это была шутка такая.

Кассандра нахмурилась, а ее смущение внезапно куда-то исчезло.

– Шутка? – спросила она угрожающе – Такая?! А почему мне не смешно? Теперь, с этого места – поподробнее – гневно потребовала она.

Нас, припомнила я, вроде бы не так учили разговаривать с богами. Но Сандра, похоже, нашла единственно правильный стиль общения с “лучезарным”, потому что этот облезлый красавец вобрал голову в плечи и только прошептал:

– Может не надо?

– Надо – не надо, а придется. Хочешь я сама? – предложила Афина.

Она явно развлекалась, предвкушая, возможно, те анек-

доты, которые она пустит гулять по Олимпу.

– Не стоит, ты еще такого наговоришь – поспешно ответил Аполлон и, повернувшись к Кассандре, осторожно, тщательно подбирая слова, сказал – Видишь ли, на самом деле не было никакого проклятия.

– Как не было? – удивилась она – Мне же действительно никто не верит.

– Все верно – Аполлон заговорил более уверенно – Но это вполне естественный процесс и происходит он не из-за какого-то там дурацкого проклятия. Зевс свидетель, я ведь ничего такого и не умею. Ты, девочка, уж извини, ничего в людях не понимаешь. Просто они не хотят верить.

– Не хотят? А почему? – она все еще не понимала.

– Каждый по своей причине. Один просто боится поверить, другой вообще никого никогда не слышит, третий может и услышал бы, но он все равно никогда никому не верит...

– ... А четвертому не выгодно – закончила она сама.

– Ну вот ты немного и поумнела, малышка – покровительственно сказал небожитель, но Кассандра не дала ему продолжить в том же духе.

– А как же мой дар? Это тоже шутка? – возмутилась она – Так ты мне не давал ничего и нет у меня никакого дара предвидения?

– Ну я же сказал, что пошутил – раздраженно ответил он – Согласен, не совсем удачно получилось. Выпили мы тогда с

Гефестом по грамульке амброзии, ну оно и понеслось. Слово за слово, возьми я да поспорь с ним, что сумею тебя соблазнить. Да не только поспорил, а и самого Зевса в свидетели призвал. Может быть ты не в курсе, а может ты и этот урок промотала в школе. В общем строго у нас с этим на Олимпе. Наутро мы протрезвели, а Зевс нас уже на крылечке поджидает, свидетель хренов. Делать нечего, надо что-то придумать. Вот я и решил тебя на дар предвидения подловить.

– Так есть у меня дар или нет? – она даже, как мне показалось, топнула ногой и Аполлон снова вздрогнул, прежде чем неуверенно ответить:

– Как тебе сказать... И есть и нет...

– Да не тяни ты резину, зануда – вмешалась Афина – Дело в том, что у него самого нет никакого дара и не было никогда. Так что дарить ему было нечего. А у тебя он всегда был, причем свой, собственный, природный. Да скажи ты ей наконец... – и она довольно ощутимо толкнула Аполлона.

– Видишь ли, дар предвидения, он совсем не то что ты думаешь – пояснил тот, поморщившись – На самом деле это умение анализировать. Да, да, именно анализировать, четко и глубоко понимать значение мельчайших крупиц информации, умение строить из них целостную картину, умение смотреть далеко вперед, не забывая поглядывать и по сторонам. А главное, это не бояться. Ведь само предвидение это не такая уж редкость, но большинство людей боится того, что им может открыться. А вот ты – храбрая, ты не испугалась.

– Ах ты, засранец бессмертный! – возмущенно завопила Кассандра так, что я даже заткнула уши, но все равно продолжала слышать – Это ты так мою девственность пытался поиметь, да еще за мой же собственный дар предвидения!

– Да какая там девственность! – пробормотал он огорченно, а Афина заметила со смехом:

– Ты, подруга, не только в людях, но и в богах ничего не понимаешь.

– Может не надо, а? – уныло попросил Аполлон, явно не надеясь на результат.

– Нет уж, извини – богиня войны была беспощадна – Видишь ли Сандра, наш Аполлоша полный импотент. Да, да, уже более двухсот лет. И ничего удивительного в этом нет, это у него профессиональная болезнь. Когда залечиваешь по две гонорее в сезон, да лет этак пятьсот подряд. Ну сама понимаешь...

– Это ты зря... – все так же уныло бормотал инвалид амурных битв.

– Так этот их спор...? – не договорила Кассандра, раскрыв глаза так широко, что на лице уже не оставалось места.

Мы с Нищим с радостью убедились, что глаза у нее перестали быть старческими и в них мелькнули веселые девчачьи искорки.

– Да, соблазнять он тебя собирался чисто умозрительно – весело дождала Афина и добавила с долей ехидства – Извини. Подруга.

– Прости меня, Сандра! – я впервые видела бессмертного бога в таком состоянии.

Он готов был бить себя в грудь и каяться во всех грехах.

– Бог простит – милостиво изрекла Кассандра, наслаждаясь ситуацией и озорно поглядывая на Афину, которая ей одобрительно улыбалась.

Улыбка странно смотрелась на этом каменном лице, но не портила его.

– Какой именно бог? Надеюсь, не Гефест? – Аполлон попытался вернуть утраченные позиции, но Афина его поставила на место, сказав:

– А вот тебе, пожалуй, шутить не стоит.

– Афоня, ты, как всегда права – покаянно ответил тот.

– Если еще раз меня Афоней назовешь... – голос богини звучал угрожающе, и на Эгиде, хотя это и был муляж, зашевелились змеиные головы – Так я всей Ойкумене сообщу, что ты...

– Не буду, не буду – заверещал Аполлон – Нечаянно с языка сорвалось.

– То-то же – немного спокойнее согласилась Афина и сказала Кассандре с необычными для нее мягкими интонациями:

– Прощай, Сандра, ты, это... Ты береги себя. Похоже, что наступают трудные времена.

– Я знаю – сказала та.

Искорки в ее глазах пропали. Боги исчезли так же неза-

метно, как и появились. Мы снова сели на берегу и Нищий немедленно заявил:

– Ни хрена себе. Даже и не соображу, как все это воспеть!

– Так ты, что, все знал? – возмутилась Сандра, но не слишком сильно.

Наверное у нее кончились запасы возмущения, щедро потраченные на Аполлона.

– Скорее – догадывался – признался Нищий.

– Ах, ты старый хрыч! – она была не слишком разборчива в выражениях – Кстати, воспевать я тебе не советую: такая пакость не будет ни социально востребована, ни идеологически выдержана.

С ней трудно было не согласиться, но у нашего поэта было свое мнение. Похоже, его опять терзали Музы. Он поднялся и, пробурчав: "Я все же попробую", действительно попробовал. На этот раз он воспел еще жестче, еще искреннее, чем прежде:

*Неимоверно трудно быть собой
Не уступить, бессилием зверя
Не принятым, не понятым толпой
Отмеченным печатью недоверья
Как сердце интуицией саднит
Тем, что тебе открылось одному
И понимаешь – боль не убедит
И знаешь – не поверят, не поймут*

*Но душу раздираешь не щадя
В надежде, что отыщутся ответы
Как погасить костры на площадях
Как отменить кровавые наветы
Как этот заговор глупцов нарушить
Чтоб убедить, заставить, доказать
Как мне уговорить глухих услышать
Как убедить слепых открыть глаза
В тупой надежде ты стучишься в двери
Надеясь – крик души не пропадет
Мечтая, что хоть кто-нибудь поверит!
Надеясь, что хоть кто-нибудь поймет!*

Он закончил и эхо его стихов, казалось, незримо оставалось с нами еще долго. Потом ветер понес его на север к Боспору, разнося по всей Ойкумене плач о Кассандре. Она тихо прошептала:

– Как правильно и как страшно ты сейчас воспел!

Нищий ничего не сказал, промолчала и я. Тогда она обратилась ко мне:

– Вот ты была в Египте. Скажи, они там так же плохо относятся к предсказателям?

Зачем она это спросила? Надеялась услышать, что их там чтут и воспевают? Мне очень хотелось ее утешить, но врать я не хотела, да и она бы легко распознала мою ложь. Мне вспомнилась ночь в Мемфисе, факелы, вопли толпы и лип-

кие от крови переулки. Тогда я рассказала ей часть правды, потому что вся правда была слишком тяжела для ее плеч.

– Нет, совсем иначе – ответила я – Они бросают предсказателей в кипящее масло.

– Вот это я понимаю – восхитился Нищий – Вот это подход, так подход. Нет, все же нам тут расти еще и расти до настоящей цивилизации. Но зачем же хороший продукт переводить? Можно было бы предсказателя и в кипятке сварить. Бульон, опять же...

– Перестань сейчас же! – прервала его Кассандра – Но они так, наверное поступают только с теми, чьи пророчества не сбываются?

Пришлось ей объяснить что они так поступают лишь с тем, кто предсказывает беды. И если его пророчество не сбывается, то у предсказателя еще есть шанс отвертеться. А вот если сбывается... К счастью, продолжать не понадобилось.

– Я поняла – сказала Кассандра – Похоже, что наши троянцы более гуманны. Они всего лишь убивают недоверием. Так почему же мне кажется, что я стою по щиколотку в кипящем масле?! – закончила она криком, почти воплем.

И таков был этот вопль, что мне на миг показалось, что это я стою в кипящем масле и я закричала ей:

– Ой, не надо, принцесса!

– Но что же мне теперь делать? – задала Кассандра вопрос, на который, казалось бы, не было ответа.

Неожиданно, Нищий вскочил и вскрикнул:

– Продолжать!!

Кассандра удивленно посмотрела на него, не понимая. Но
я-то его поняла и, тоже вскочив, подтвердила:

– Именно! Продолжать!

– Продолжать? Но как? – она уже догадалась, но все еще
не могла принять на себя эту ношу.

– Да самым отвратительным образом – пояснил Нищий –
А именно: биться лбом об стенку, лезть в чужие разговоры,
портить застолья, омрачать именины, вносить хаос в празд-
ники, прослыть занудой. Все это и еще многое другое. Толь-
ко ни в коем случае не следует сдаваться.

– Но меня же все возненавидят! – отбивалась она.

– Будет много хуже – тебя будут игнорировать – мрачно
заметил Нищий.

– Боюсь, что я так не смогу – она все еще сопротивлялась.

– Думаю, что ты не сможешь иначе – сейчас голос Нищего
был торжественен и проникновенен – И может быть придет
день и один человек, а может даже и два человека тебя пой-
мут и поверят тебе – закончил он.

– Как поверили мы – добавила я.

– Спасибо вам, друзья – тихо сказала Кассандра.

У меня мороз прошел по коже от того как она это сказала.
Тогда я отвернулась, чтобы скрыть слезы и стала смотреть
в морскую даль. Но то что я там увидела, мне не понрави-
лось...

– Ой! Смотрите, что это? – закричала я.

Там, на дальнем краю волн, весь горизонт покрывала одна длинная черная полоса. Присмотревшись, мы увидели ряд огромных черных кораблей, от края и до края. Они и заслонили собой линию горизонта. Их было много, невероятно много и они приближались. Мне стало страшно. На самом деле мне уже давно было страшно все эти длинные, равнодушные, бесконечные дни и ночи. А теперь мне стало еще страшнее.

– Черные – спокойно сказал Нищий – Это корабли ахейцев.

– Это – война – воскликнула Кассандра – Я знаю, она отвратительнее гидры и неотвратима как снег зимой, как воля богов, как...

– Молчи! – гневно прервал ее Нищий – Если надо будет, мы пойдем против воли богов!

Он стоял, этот смешной старик в рваном хитоне и старых сандалиях, этот поэт и философ, этот нищий телом и богатый духом маленький человек. Он стоял и грозил богам. И такая сила была в его словах, что страх, сковавший мне душу удушающим спрутом, отпустил меня. Нет, он не исчез, он отступил на один лишь шаг, но это незначительное отступление позволило мне вдохнуть полной грудью. Дальше я сама, подумалось мне... Нищий, разобравшись с богами, продолжал кричать Кассандре:

– ... А ты, ты сделала все, что могла.

– Я же совсем ничего не сделала – воскликнула она – Ведь

война уже идет. Пока еще не гибнут дети, еще не стонут женщины, лишившиеся своих близких, еще не горят дома. Но война уже здесь, я ясно это вижу, я слышу ее поступь, я чувствую эту ее мерзкую вонь.

И она упала на колени, закрыв лицо руками. Нищий подошел к ней, поднял и обнял, заслонив собой от зрелища черных кораблей. Я подошла, чтобы быть поближе к ним и он посмотрел на меня одобрительно, как смотрят на друга, стоящего рядом в “стене щитов” и защищающего твое открытое правое плечо. Потом он наклонился к Кассандре и сказал тихо и внятно выговаривая каждое слово:

– Не смотри туда, не надо! И не смей винить себя, ты слышишь, не смей! Ты уже совершила воистину великое дело – ты сделала самый первый шаг и, самое главное, ты не промолчала. Пройдут годы и кто-то сделает второй шаг, а потом еще кто-то и третий. Так и пойдет – шаг за шагом, шаг за шагом. Осторожно, не торопясь, возможно даже с оглядкой, но всегда, всегда – вперед...

Теперь он говорил не мне и не Кассандре а всем кто готов и еще не готов был слушать, от снегов Скифии и до песков Аравии, от Финикии и до Блаженных островов. Казалось, он обращается ко всей Ойкумене, защищая рыжую девчонку, взвалившую на свои худенькие плечи так много, слишком много. Он сказал:

– И может быть когда-нибудь, через сотни лет люди все же научатся слушать пророков... Или, просто научатся слу-

шать.

Пока он говорил, черные корабли стали заметно ближе.